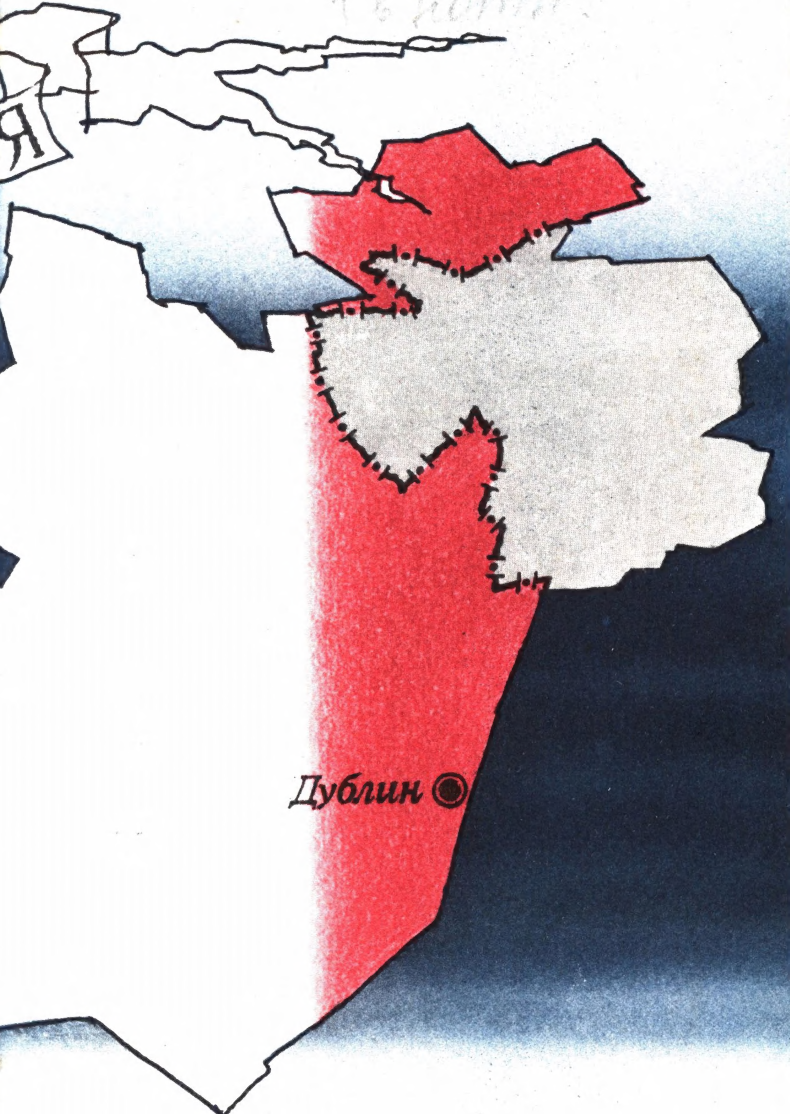
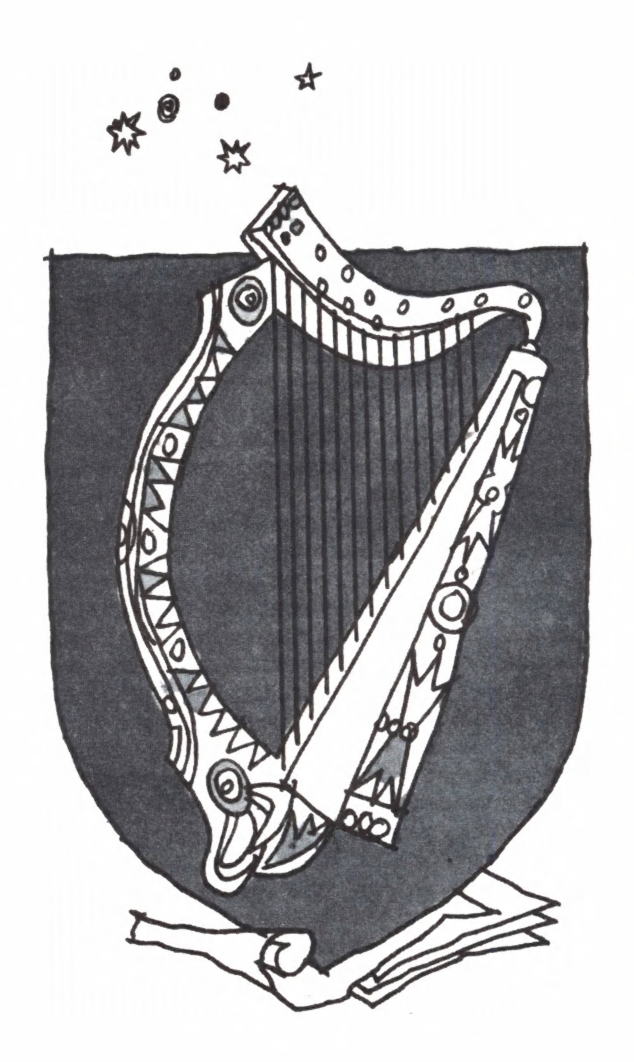
ПОЮЩИЙ ТРИЛИСТНИК

ИРЛАНДИ
éire

Дублин

ПОЮЩИЙ ТРИЛИСТНИК

Сборник ирландского фольклора

Рисунки Е. Аносова

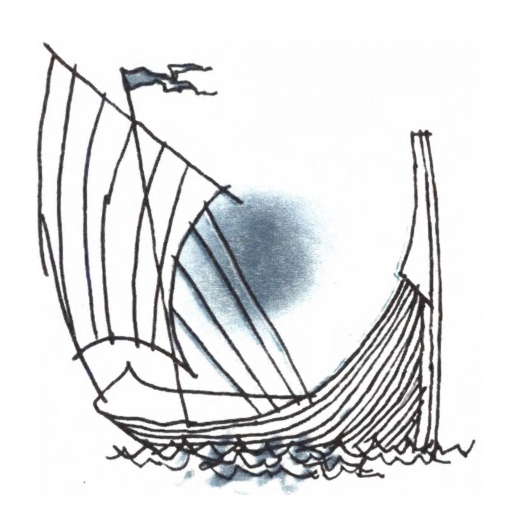
ЛЕНИНГРАД
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1984

ИФ(Ирланд)
П 64

Народное творчество Ирландии мало знакомо юному читателю. Данный сборник в какой-то мере восполняет этот пробел. В нем представлены древнейшие саги, никогда ранее не публиковавшиеся на русском языке сказки, баллады, песни, пословицы, поговорки и загадки.

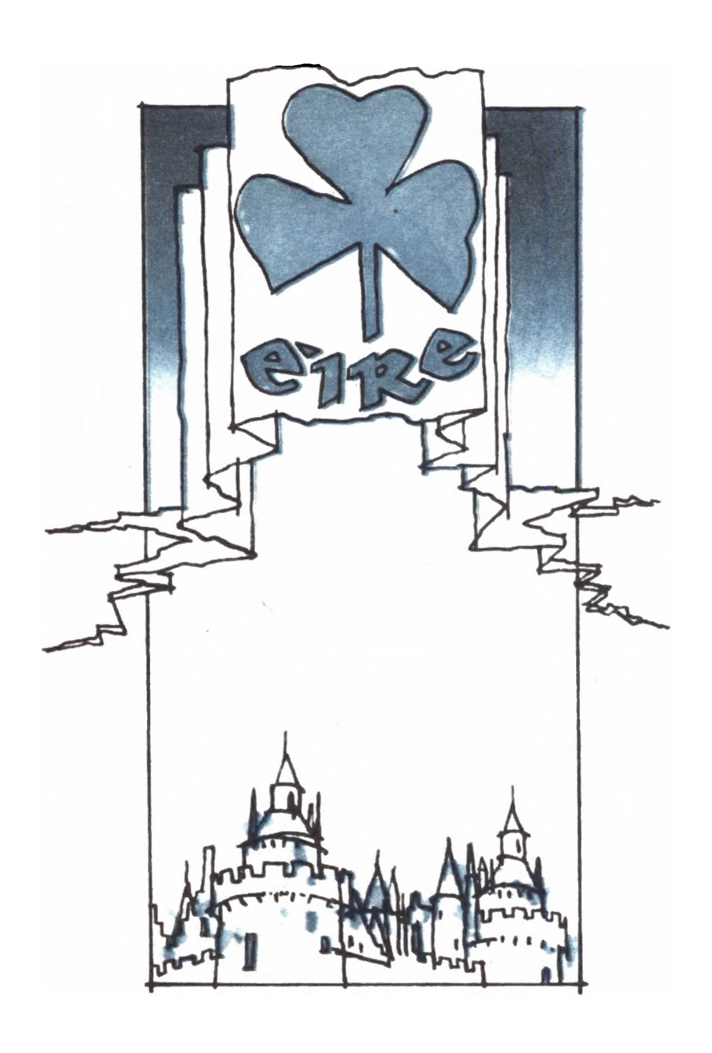
Составил, перевел и пересказал для детей И. Сергич
Стихи перевел Г. Аршинников

4803020000—108
П————————138—84
М101(03)—84

Взываю к Ирландии я!
Гордо встающей из моря,
Изобильной горами, долинами,
Лесом дубовым богатой.
Богатой реками быстрыми,
Водопадами и озерами,
Глубокими, как Священный Колодец,
Вокруг которого держат совет
Племенные вожди, старейшины.
Взываю к Ирландии я!
Белокрылой и гордой ладье,
В бушующем море плывущей.
Взываю к Ирландии я!

Перевод И. Сергича

éire

Словно корабль, разрезает волны Атлантики Ирландия.

С высоты орлиного полета видится Ирландия зеленым листом среди голубого пространства воды, и лист этот очень напоминает лист дикого клевера или кислицы.

Недаром трилистник — эмблема Ирландии.

Ирландия — это изумрудные холмы, дубовые рощи, многочисленные реки и каналы, озера, горы, такие как Лугнахилл или Катрантхилл, взметнувшие свои вершины выше облаков; сочные луга с пасущимися на них стадами, пашни, остатки крепостей и замков; тихие деревни и шумные города, переполненные судами морские порты и густо завешанные сетями рыбацкие поселки; пустынные проселочные дороги и гудящие под напором машин автострады.

Главное же ее богатство — народ. Народ, известный своей мудростью, своим радушием и гостеприимством, весельем и шутками, хотя трагична была его судьба: многие столетия приходилось бороться за свободу, за сохранение родного языка и культуры, а часто и за саму жизнь...

Когда-то очень давно Европу, то есть ту территорию, которая впоследствии была названа Европой, заселяло великое и могучее племя кельтов. Около двух с половиной тысяч лет назад с востока пришли полные неукротимой жажды завоеваний племена германцев. В жесточайших битвах погибли многие из кельтов, остальные отошли к самому побережью Атлантического океана. Некоторым удалось закрепиться на небольшой территории на континенте (их потомков называют бретонцами, и живут они в Бретани во Франции), другие же были вынуждены высадиться на Британских островах.

Но и здесь им пришлось вести длительные войны с местными племенами пиктов, каледонцев, которые испокон веков населяли острова. Кельты прошли суровую школу войны с германцами, они владели более совершенным оружием, были более организованными и потому в конце концов вышли победителями из этой упорной борьбы.

К началу нашей эры на островах окреп родовой строй. В Ирландии насчитывалось около двухсот родов, или, как еще их называли, кланов. Во главе клана стоял вождь. К тому времени в Ирландии появились королевства, их было пять: Ульстер (современный Ольстер), Коннахт, Южный Мюнстер, Северный Мюнстер и Лейнстер. Вожди вместе со своими кланами подчинялись какому-то одному королю.

Землей владели сообща. Дома были самой примитивной формы, дым от очага стлался вдоль круглых стен. Ходили в домотканых, но ярких одеждах. Ели простую пищу, которую давали земля, лес и вода.

Интересен был обычай: дети воспитывались не дома, а в других семьях. Считалось, что это помогает им стать более самостоятельными в будущем. Часто в одной семье воспитывалось несколько чужих детей, и многие из них становились самыми близкими друзьями на всю жизнь.

Вот такими друзьями были Кухулин и Фердиад, о трагической битве которых между собой вы прочтете в этой книге.

В начале нашей эры на Британские острова высадились римляне, но до Ирландии они не дошли. Позже, когда в Римской империи основной религией стало христианство, оно проникло и в Ирландию. А вслед за ним в страну из Британии нахлынули захватчики. И здесь начинается тысячелетняя история борьбы ирландцев за свободу против английского владычества. Начиная с XI века в Ирландии вспыхивали многочисленные восстания против англичан, некоторые из них перерастали в настоящие народные войны. Так было, например, в 1595—1603 и 1641—1652 годах. Только через шестьсот лет Великобритании удалось колонизировать Ирландию, а в 1800 году она уже стала считаться не колонией, а собственно английской территорией.

Потребовалось еще сто лет борьбы, чтобы наконец в 1921 году основная часть Ирландии была признана независимым государством. Однако север страны, Ольстер, до сих пор считается территорией Великобритании.

Коренные жители Ольстера продолжают бороться за воссоединение с остальной частью Ирландии.

Современная Ирландия — буржуазная республика. Живет там около трех миллионов человек, которые наконец имеют возможность писать, читать и говорить на родном ирландском языке.

Много ирландцев живет в других странах, даже больше, чем в самой Ирландии. Они переселились туда в основном во времена английского господства.

Ирландия обладает довольно скромными природными ресурсами.

И несмотря на это, она хорошо развитая страна. На бесчисленных полях выращивается картофель, этот, можно сказать, национальный ирландский продукт, пшеница, ячмень; на лугах пасутся овцы, в садах поспевают яблоки, груши, сливы.

На заводах и фабриках выпускаются радиоаппаратура и автомобили, на верфях строятся корабли.

Особенно же знаменита Ирландия своей богатой и очень самобытной культурой, которая развивалась в течение двух тысяч лет и бережно сохранялась народом. Хотя многие века ирландцам было запрещено не только писать, но и говорить на родном языке, они все же передавали из поколения в поколение все самое ценное, что создавал народ. Именно поэтому сейчас мы можем познакомиться с народным творчеством Ирландии.

Итак, две тысячи лет назад...

В тот вечер как никогда ярко разгорелся закат, и огромное багровое солнце медленно исчезало в дымке горизонта. Его последние лучи скользнули по облакам, по океанским волнам. И в то же мгновение в небо

взметнулись сотни жарких костров, разведенных легионерами, которых привел в Англию император Рима Гай Юлий Цезарь. И зарево от этих костров было видно в Ирландии.

Но Ирландии было не до римских костров.

Король Ульстера Конхобар находился в тяжком раздумье: извечный его враг, королева Коннахта по имени Медб, объявила войну королевству Ульстер. И сразу жителей Ульстера, уладов, охватил тяжкий недуг. Сбывалось проклятие Махи.

Некий улад по имени Крунху стал хвалиться, что его жена, прекрасная Маха, может обогнать королевских коней. Тогда король (нет, не Конхобар) приказал привести Маху. Та как раз в то время ждала ребенка и сказала об этом королю.

— Или ты побежишь, или твой муж Крунху будет объявлен лжецом и казнен!

— Дайте хоть небольшую отсрочку! — взмолилась Маха.

— Нет, — мрачно сказал король и махнул рукой.

И понеслись кони, и побежала рядом с ними прекрасная Маха, и обогнала королевских коней, но тут же опустилась на землю и родила мальчика и девочку. В гневе воскликнула она:

— Пусть будет так: в девяти поколениях все улады, воины, юноши, мужчины и старики, всякий раз, как только враг устремится на землю Ульстера, будут мучиться подобно тому, как мучается женщина при родах, и будет это продолжаться чуть меньше недели.

Пророчество сбылось.

Вот почему Конхобар был растерян, сидя в своем дворце, который назывался Красной Ветвью, потому

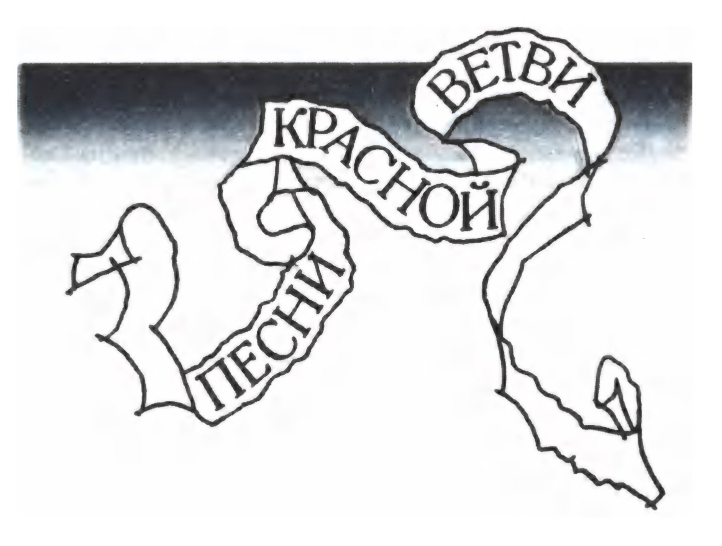
что был построен из красного тиса. Находился тот дворец в центре столицы уладов Эмайн-Махе. И хотя город Эмайн-Маха был обнесен мощной стеной и окружен глубоким рвом, наполненным водой, разве мог герой Кухулин, единственный, кого не поражал недуг, справиться с многочисленным войском королевы Медб?

Но верный защитник Красной Ветви Кухулин победил коннахтцев.

Кухулин — настоящий герой, храбрейший воин, умевший обращаться с мечом и щитом. Красота его была легендарной, о благородстве и великодушии Кухулина знали по всей земле. Недаром его отцом был Луг — бог света, искусств и ремесел.

Так говорят саги, созданные в те давние времена, и верить им надо, потому что правдивы до последнего слова песни Красной Ветви.

ВЕТВИ
КРАСНОЙ
ПЕСНИ

РОЖДЕНИЕ КУХУЛИНА

В тот год случилось, что прилетели в окрестности Эмайн-Махи, столицы уладов, неведомые птицы, которые, как саранча, уничтожили всю растительность, и земля превратилась в пустыню.

Король Конхобар приказал уничтожить хищных птиц. И в то же мгновение устремились в поле девять колесниц, запряженных самыми быстрыми конями. Колесницу короля вела его сестра Дехтире.

Рядом с королевской мчались колесницы известнейших героев того времени, в том числе Конала Победоносного и Кускрайда Заики, будущих друзей Кухулина.

Птицы, заметив охотников, дружно поднялись с земли и полетели в сторону горы Фуат, которая возвышалась среди долины Муртемне. Как ни быстры были кони, но птицы, словно легкое облако, исчезли в темной синеве неба. И чудные же то были птицы: во главе летел вожак, наверное, самая большая птица на свете, за ним остальные, соединенные попарно золотой цепочкой.

Улады поняли, что это предзнаменование. Что-то должно случиться. Остановились они. Стали искать пристанище на ночь. Вскоре Конал Победоносный увидел одинокую хижину, крытую белыми перьями. Воин постучался в дверь. В дверях появились мужчина и женщина необыкновенной красоты и радушно приветствовали Конала. Когда он вошел внутрь, то необычайно удивился, не увидев ни кроватей, ни одеял, ни кухни. Пораженный, он вернулся к Конхобару и все рассказал.

Но так как становилось все темнее, Конхобар приказал воинам идти к хижине. Все-таки крыша над головой.

Вошли они в дом, а там оказалось всего вдоволь: и одеял, и пищи, и всего другого. Конал от стыда не знал, куда и деваться.

Воины приступили к трапезе, и хозяин вместе с королем восседали во главе стола. Были поданы разные кушанья и напитки, так что каждый выбирал то, что ему более по душе. Наелись и развеселились гости, стали громко петь песни. Но тут поднялся хозяин и сказал:

— Я вижу среди вас женщину. Моя жена как раз рожает сейчас, и ей нужна помощь.

Устыдились воины, а Дехтире встала и пошла в комнату, где лежала молодая хозяйка. Как только она вошла, родился ребенок, которого взяла Дехтире и прижала к своей груди.

Проснулись утром улады, не увидели ни дома, ни хозяев, только равнина Муртемне расстилалась вокруг них, да на коленях Дехтире лежал новорожденный.

Вернулись с ребенком улады в Эмайн-Маху.

Дехтире полюбила ребенка, стала звать его своим сыном. И тот полюбил ее.

Однажды Дехтире увидела сон: явился к ней прекрасный бог и сказал:

— Я — Луг Длинная Рука, и все боги служат мне. Этот ребенок — мой сын. Имя его Сетанта, но недолго так будут звать его. У него будет другое славное имя, которое останется в веках. Хотя и будет он смертным, но своими делами завоюет бессмертие.

Сон оказался вещим.

Сетанта рос необыкновенно сильным и смелым. И это вскоре ему пригодилось.

Как-то король Конхобар был приглашен на пир к кузнецу Кулану — в то время короли не чуждались простых людей. Со всей свитой отправился король в гости. Дома остался лишь Сетанта: шестилетнему не место на пиршестве. Но разве мальчишке не интересно, как проводят время взрослые? Он покинул королевский дворец и побежал к дому Кулана. А надо сказать, что у Кулана был пес, который своей лютостью, силой и величиной наводил ужас на любого. В мгновение он сбивал с ног быка, раздирал огромными клыками врага, да он просто внушал страх только одним своим видом.

Сетанта слышал о нем, но никогда не видел. И когда в воротах дома Кулана появился страшный зверь, мальчик, надо честно признаться, слегка испугался, но бежать все равно было бессмысленно. Сетанта быстро снял пояс и сделал из него пращу, зарядив ее камнем. Пес же, чуть потоптавшись, ринулся на мальчика. Из пасти его летела пена, глаза сверкали, как угли. Сетанта старался быть спокойным, и как только пес оказался на расстоянии броска, Сетанта раскрутил пращу и выпустил камень в зверя, и камень, попав в пасть пса, разорвал его внутренности и сердце. С жутким воем упал пес на землю.

Выскочили из дома кузнец Кулан и его гости. Хозяин, увидев своего верного стража мертвым, сам чуть не умер с горя. Свирепые псы ценились высоко, так как в любое время на дом могли напасть враги.

Конхобар очень рассердился на Сетанту и в гневе приказал ему служить кузнецу вместо пса.

Вот так появилось новое имя у Сетанты. Стал он называться «Псом Кулана», или Кухулином.

КАК КУХУЛИНА ПОСВЯТИЛИ В РЫЦАРИ

Верно служил Кухулин Кулану. А затем послали его обучаться всяким премудростям и военному искусству к учителям Скатах, Уатах и Айфе. Здесь он подружился с Фердиадом. Они стали названными братьями, вместе охотились и сражались, делили ложе и пищу, вместе побывали в разных чудесных странах, но пришлось им расстаться. Фердиада вызвали в Коннахт, откуда он был родом, а Кухулина в Ульстер, так как ему пришло время стать настоящим воином Красной Ветви. Во-первых, он должен был принять на себя геасы — обязательства, а именно: поклясться в том, что будет всегда великодушным, честным и сердце его всегда будет открыто добру; во-вторых, доказать своей смелостью и доблестью, что рука у него твердая и глаз острый.

Возле дворца Красной Ветви собрались знатные воины, их оруженосцы, простой люд, живущий в Эмайн-Махе. Король Конхобар торжественно вручил юноше оружие, но Кухулин помрачнел и сломал копья, как сухие ветки, разбил вдребезги меч и щит и яростно закричал:

— Разве такому воину, как я, дают такие детские побрякушки?

Удивился Конхобар, приказал дать другое оружие. Сломал копья Кухулин, разбил на мелкие осколки меч и щит.

— О славный предводитель Красной Ветви, король Конхобар! — гордо произнес он. — Разве ты хочешь, чтобы твой приемный сын выглядел посмешищем перед всем нашим кланом?

Как тысяча лезвий сверкнули глаза Конхобара, грозно взглянул он на Пса Кулана.

— Эй, воины! — крикнул он. — Принесите этому молодцу мой собственный щит, мои собственные копья и меч из королевского хранилища Тайта Брак!

Принесли воины все, что потребовал король.

И как ни старался Кухулин, не удалось ему на этот раз сломать копье, меч и не смог он разбить щит.

— О славный король! — радостно вскричал он. — Это как раз то, что нужно.

Затем привели Кухулину двух коней, запряженных в колесницу. Вскочил юноша на нее, твердо поставил ступни и начал расшатывать, да так, что вскоре колесница развалилась. То же случилось и со второй.

— Какой же настоящий воин может вступить в бой на такой рухляди?! — громко жаловался Кухулин.

Тогда Конхобар позвал Кускрайда Заику из Махи и сказал:

— Пусть герой Лаег запряжет в мою колесницу того серого жеребца и того вороного, что подарили мне, и пусть пригонит ее сюда!

Замерло сердце Кухулина, когда услышал он громоподобный грохот мчавшейся к нему колесницы,

и бешеный топот коней влил в его сердце радость, потому что от всего этого пахло близкой и далекой битвой.

Лаег стоял на колеснице и хлестал коней кнутом, а те ярились и словно птицы летели по полю. Их бег воистину походил на резкий порыв мартовского ветра.

Сама колесница так гремела, что казалось, все адовы силы ополчились на этот свет.

Резко осадил возница коней. Кухулин вспрыгнул на колесницу и ликующе прокричал боевой клич. Тут же его подхватили все дýхи войны, к ним присоединились Боканахи, Бананахи, Гемти Глинди и другие демоны.

Гордо, во всем великолепии стоял на колеснице лев уладов, молодой Кухулин. Восхищенно смотрели на него король, воины и народ.

— Отпусти-ка вожжи, друг Лаег! — крикнул Кухулин. — Дай волю коням!

Рванулась колесница вперед. Трижды вихрем она пронеслась вокруг Эмайн-Махи, пока не увидел Кухулин дорогу.

— Куда ведет она?

— В Коннахт, — ответил Лаег.

— Правь лошадей туда, — приказал Кухулин. — Клянусь, что пока не опробую мое оружие в бою с врагами, не вернусь в Эмайн-Маху.

И вот уже пограничная застава. Старший заставы Копал Карна спускается с холма к Кухулину.

— Откуда у тебя это оружие, мальчик?

— Его принесли из Тайты Брака, — гордо произнес Кухулин, — и клянусь, оно не вернется туда, пока не насытится кровью врагов Уллы.

— Ты не сделаешь этого, Пес Кулана! Если что-нибудь случится с тобой, мне не простят улады.

Карна направил свою колесницу наперерез Кухулиновой, так что кони Кухулина встали на дыбы.

— Лаег, дружище, подай-ка мне тот камень! — попросил тогда Кухулин.

Лаег поднял камень и подал его. Кухулин пошире расставил ноги и швырнул камень в колесницу Карны, так что та развалилась надвое, а сам Карна рухнул в дорожную пыль.

— Ну как, Карна? — засмеялся Кухулин. — Понравилось? В следующий раз я кину камень прямо в тебя.

— Если даже движение моего мизинца,— говорил меж тем Карна, поднимаясь на ноги, — могло бы спасти тебя от людей королевы Медб, я не сделал бы его сейчас.

Беззаботно рассмеялся Кухулин, а Лаег стегнул коней кнутом, и понеслись они по просторам королевства Коннахт, где правила Медб. В то время шла очередная война между Коннахтом и Ульстером. Опасно было появляться уладам в одиночку в Коннахте. Но разве можно было испугать чем-то молодого Кухулина! Как ветер мчался он к реке Бойн, как раз к тому месту, где в Бойн впадает небольшая речка Матток. Здесь высился дом-крепость трех братьев Нектане, которые славились в Коннахте своей храбростью и военной доблестью.

Увидев мчащуюся колесницу и могучего воина в ней, они послали гонца к королеве Медб с сообщением о том, что вторглись улады, а сами приготовились к бою.

Ураганом налетел на них Кухулин. Вот уже сраженный лежит на земле старший брат, а копье Кухулина, брошенное со страшной силой, пронзает среднего, а меч из Тайты Брака обрушивается на младшего из братьев.

Все это совершается в одно мгновение, и кони, которыми правит смелый Лаег, уже мчатся на север, в страну уладов. Коннахтцы так и не успели ничего понять: кто напал на них, почему трое не смогли справиться с одним, куда девался герой?

А Кухулин и Лаег вихрем промчались мимо заставы, мимо мрачного Карны и понеслись быстрее ветра к Эмайн-Махе.

Однако, как и бывает, весть о славной победе юного героя пришла в Маху еще быстрее. Когда Кухулин приблизился к воротам столицы, его встречал весь город, герои и сам Конхобар, король уладов.

Так Кухулин одержал первую победу и стал рыцарем Красной Ветви.

С тех пор он многих победил. Всех превосходил он быстротой и ловкостью. Народ Уллы восхищался им. Даже говорили, что у него семь зрачков в глазах и по семи пальцев на руках и ногах. Может быть, такого и не было, но Кухулин несомненно отличался мудростью и храбростью, великолепно считал, был хорошим музыкантом. Единственное, что ему мешало, так это молодость, хотя она, как известно, не порок. Еще ему мешали безрассудная смелость и то, что он был прекрасен. Из-за своей красоты он даже нажил себе врагов среди уладов, потому что многие юные девы желали выйти за него замуж и отказывали другим достойным юношам.

Король Конхобар решил, что надо женить Кухулина. Отправились посланцы короля по всем землям Ирландии искать невесту для Кухулина. Нигде не нашли подходящей. Тогда сам Кухулин вместе с Лаегом поехал на поиски. И не куда-нибудь, а в страну самого бога Луга; там, по слухам, жила Эмер, которая была красива, мудра и чиста душой.

Много подвигов совершил Кухулин ради Эмер. Говорят, что даже привез ее в Эмайн-Маху. Вполне возможно, что это и правда. Но есть и другая легенда.

КУХУЛИН И ДЕВУШКА ФАНД

Был у древних ирландцев праздник Самайн. Собирались на него славные воины и прекрасные девы со всей Ирландии. Воины хвастались своими победами, а если кто привирал, то меч, который висел у него сбоку, острием обращался против лгуна. Девушки пели и танцевали.

В тот раз праздновали Самайн на равнине Муртемне. Веселы были все. И настолько прекрасен был праздник, что прилетели диковинные птицы полюбоваться им. Чудесные эти птицы были так прекрасны, что женщины непременно захотели поймать их. Прибежали они к Кухулину и попросили, чтобы он добыл птиц. Подумал было Кухулин, что не пристало воину за птицами гоняться, но потом все-таки согласился. Велел Лаегу запрячь колесницу, и помчались они по равнине. Нелегко было изловить птиц, но ловкий Кухулин справился с этим. Довольный подъезжал он

к женщинам, как вдруг заметил, что летит еще пара птиц, соединенных цепочкой из красного золота. Мелодичное их пение разносилось над всей долиной. Кухулин приготовил пращу.

— Не трогай этих птиц, — сказал Лаег. — Кажется мне, что есть нечто таинственное в них.

Не послушался Кухулин. Раскрутил пращу и метнул камень, но промахнулся. Еще раз — опять неудача. Вскипел гневом Кухулин. Яростно бросил он в птиц свое копье, и то задело крыло одной из птиц. В тот же миг почувствовал герой необъяснимую тоску и вскоре впал в глубокий сон. Увидел он во сне двух дев, одна из которых была настолько прекрасна, что заныло сердце Кухулина, и от этой боли лишился он своей силы.

Целый год лежал Кухулин без движения, а вокруг него сидели друзья улады, славные герои Конал Победоносный, Кускрайд Заика, Лаег и другие.

Через год в жилище Кухулина вошел странник и сказал:

— Я знаю, кто наслал на тебя недуг. Это дочь короля Айда Абрата, и зовут ее Фанд. Только она может исцелить тебя.

Сказав это, странник исчез, а Кухулин вдруг почувствовал, что может встать. Он поднялся с ложа, вышел из дворца и пошел по равнине Муртемне к горе Фуат и тут увидел женщину, которая подошла к нему и сказала:

— Герой, выслушай! Меня зовут Либан и я родная сестра Фанд. Это ее ты ранил копьем год назад. Она давно любит тебя, и даже рана не погасила любви. Правда, ты был наказан за это. Но сейчас не до обид.

На нашу страну идут войной Сенах Призрак, Эохайд Иула и Эоган Инбир. Мы умоляем тебя прийти к нам на помощь!

— Но я еще так слаб...

— Ты вскоре обретешь свою прежнюю силу, обещаю тебе. И сможешь защитить любящую тебя Фанд. Мы живем в стране, которая называется Равниной Блаженства. Чтобы точно знать туда путь, пошли Лаега со мной.

Задумался Кухулин, но ведь он всегда был защитником слабых и не мог отказать им в просьбе. Послал он Лаега с Либан.

Достиг Лаег Равнины Блаженства и удивился величию и красоте той страны. Еще больше он поразился красоте Фанд, а имя Фанд означает — Слеза. Стала просить она Лаега, чтобы Кухулин помог ее стране. Обещал Лаег выполнить ее просьбу.

Вернулся он к Кухулину и поведал о том, что видел. Почувствовал тут силу необъятную Кухулин, взъярилось его сердце. Приказал принести оружие. Быстро надел шлем златогривный, серебряные доспехи, взял воловий щит с шишаком, привесил меч двуручный, и вот уже несется на Равнину Блаженства колесница, управляемая верным Лаегом.

Вовремя поспели герои: несметные вражеские полчища вошли в страну, где жила Фанд. Ворвался Кухулин в их ряды, стал наносить удары направо и налево. Сомкнулись враги, а вперед выехали Эохайд Иула, необычайной силы воин, Сенах Призрак, коня которого можно было сравнить лишь с горой Фуат, и Эоган Инбир, хитрый стратег. Но не дал им опомниться Кухулин, метнул он свое мощное копье в Иулу —

и тот упал бездыханный, мечом он рассек Сенаха, а достать Инбира не мог, потому что тот вместе со своим войском обратился в бегство.

Фанд, узнав об этом, сказала:

— Мощный лев на громоподобной колеснице, которую мчат кони-молнии, сейчас прибудет в наш дворец. Нет равного ему в Ирландии. Юн и прекрасен герой из Эмайн-Махи. И моя любовь к нему разгорелась еще сильнее.

Увидел Кухулин Фанд и полюбил ее. Потому что чиста, благородна, светла была Фанд. Прекрасна собой и искусна в вышивании и во всяком рукоделии, разумна, тверда в мыслях и рассудительна.

Но когда Кухулин прибыл с ней в Эмайн-Маху, невзлюбили ее женщины уладов. То ли из зависти и ревности, то ли потому, что была она чужестранкой. Замыслили уладские девы погубить Фанд. Узнав об этом, Фанд стала умолять Кухулина покинуть Уллу и уехать к ее отцу. Но разве мог оставить Кухулин уладов! Расстались они. Кухулин с горя и тоски ушел в горы, что в стороне Луахайра. Не принимал ни пищи, ни воды, спал прямо на камнях.

Заволновались улады. Пошли к королю Конхобару и рассказали ему все, что случилось с Кухулином.

Послал благородный Конхобар волшебников — друидов к Кухулину. Запели друиды волшебные свои песни, напоили Кухулина зельями. Стал проясняться разум героя. Затем дали друиды ему напиток забвения. Выпил он тот напиток и забыл о Фанд.

Но, как потом пели барды, дело было вовсе не в напитке, а в том, что Кухулин не мог забыть родную землю.

Вернулся в Уллу Кухулин, но жить в Эмайн-Махе не стал. Видимо, помнил свою любимую Фанд и ему было тяжело оставаться в городе, где так ее невзлюбили. Он ушел на равнину Муртемне и построил дворец на землях Куалнге. Жил Пес Кулана уединенно. Охотился, выращивал скот, сеял ячмень. Изредка посещал дворец Красной Ветви. Чаще бывал у своего дружинника Даре, который тоже занимался мирным трудом на землях Куалнге. Такое было то время, что каждый мог стать воином во время битвы, в мирное же время становился крестьянином.

Хотя родился Кухулин воином, но мирная жизнь ему была больше по душе.

УГОН БЫКА ИЗ КУАЛНГЕ

Однажды поспорили жена и муж: кто из них богаче? Бывают, оказывается, и такие семьи, где у каждого свое богатство. Да в данном случае ничего удивительного и нет. Женой той была извечный враг уладов королева Коннахта Медб, а мужа звали король Айлиль.

— Посмотрим-посмотрим, кто богаче! — сказала королева и кликнула слуг, своих и короля Айлиля.

Сначала те принесли все, что можно было нести: ведра и бочонки, крючья и умывальные чаши, перстни и другие ювелирные изделия, вышитые платья и парчовые накидки. Затем слуги привели овец, коз, лошадей, коров, а из далеких мест — вепрей, кабанов, оленей.

Все это подсчитали, и оказалось, что всего у них поровну. На каждый прекрасный перстень у Айлиля — столь же прекрасный у Медб; на каждого коня у короля — такой же у королевы. Даже детенышей у кабанов было поровну. Но все же нашелся бык в стадах Медб. По прозвищу Белоголовый. Ему не было равных в стадах короля. Горда была Медб и рада.

— Вот видишь, я богаче, — приговаривала она. — Вон даже наш верный слуга Мак Рот подтвердит это, не так ли?

— Госпожа! — воскликнул тут Мак Рот. — Белоголовый, конечно, хорош, но есть бык и получше. Живет он в стране уладов, в Триха-Кет-Куалнге, в доме Даре, дружинника Пса Кулана. И зовут его Бурый из Куалнге!

— О проклятье!—Медб была вне себя от ярости.— Тогда ступай к этому Даре и скажи, чтобы он отдал мне быка на год. Через год я верну быка и в придачу дам еще пятьдесят телят. Если он откажется от телят, пусть перебирается в Коннахт, и мы дадим ему столько земли, сколько он захочет, дадим ему лошадей и колесницу с возницей.

Удивился про себя Мак Рот женскому тщеславию, но приказ есть приказ, и отряд коннахтцев отправился в Куалнге.

Даре радушно встретил гостей, хотя то были давние враги, но долг гостеприимства — прежде всего. Спросил у Мак Рота, что его привело в Уллу.

Мак Рот поведал о споре Медб и Айлиля и выложил Даре просьбу королевы.

Условия были действительно хороши. Даре поразмышлял немного и согласился дать Бурого на год.

А затем стал щедро угощать коннахтцев разными кушаньями и напитками.

Захмелели быстро гости, стали спорить друг с другом и доспорились до того, что нечего с этим Даре рассуждать. Силой надо взять Бурого. Один из слуг Даре подслушал такие речи и бросился к хозяину.

— Это ты обещал коннахтцам отдать гордость земли уладов, распрекраснейшего Бурого из Куалнге?

— Да, — отвечал Даре, уж очень хорошие условия предложили они.

— Так знай, они уже забыли о своих обещаниях, хотят отобрать Бурого силой!

Возмутился Даре. Как ни заманчива была сделка, но честь уладов превыше всего.

— Клянусь богами и горой Фуат, что они не получат Бурого ни добром, ни силой! — воскликнул он.

Утром Мак Рот сказал Даре:

— Не настало ли время выполнить наш уговор?

— Нет, — ответил Даре. – И причина для этого у меня есть. Как слышал я, ваши хвастались, что силой возьмут Бурого.

— Не верь пьяным разговорам, Даре! — пытался уговорить его Мак Рот. — Мало ли что болтают простые воины! Это не имеет никакого отношения к словам королевы.

— Все равно я не отдам своего Бурого, — упорствовал Даре.

Пришлось коннахтцам с пустыми руками вернуться домой.

Мак Рот доложил, как обстояло дело, и тогда Медб сказала:

— Мы добьемся своего, что бы нам это ни стоило.

И она объявила войну уладам.

Вот так ничтожная причина и огромное тщеславие приводят порою к событиям ужасным.

А надо сказать, что опять, как и много лет до этого, на уладов напал недуг, длящийся не менее четырех-пяти дней. Недуг этот нападал на них по заклинанию жены Крунху как раз в то время, когда уладам было особенно тяжело. Теперь вся надежда оставалась на молодого льва, на славного героя Кухулина — его недуг обходил стороной.

Медб, прослышав про несчастье уладов, собрала огромное войско и повела его против Кухулина.

Кухулин встретил врагов на границе Уллы. И, как это бывало не раз, сразу же ринулся в бой, не давая противнику прийти в себя. Он и его верный Лаег носились в своей колеснице, и меч и копье Кухулина молниями вонзались в ряды коннахтцев. Множество их осталось лежать на поле битвы.

Тогда отвела свое войско Медб и стала думать, как же одолеть героя. Подсказали ей, что с Кухулином сразиться может лишь Фердиад, друг и побратим Пса Кулана, товарищ его по обучению в школе Скатах, Уатах и Айфе.

Фердиад же, узнав, что коннахтцы вышли в бой с Кухулином, сказался больным и лежал в своем доме. Именно в постели и застали его гонцы королевы.

Отказался благородный Фердиад присоединиться к войску Медб, ссылаясь на болезни. На самом же деле не мог он поднять меч против друга.

Тогда Медб подослала к нему друидов, те околдовали его и наслали на него три болезни — болезнь

позора, болезнь поношения и болезнь стыда, от которых через девять дней умер бы герой, если бы не вышел на бой с Кухулином. Фердиад поехал в военный лагерь королевы, где за бой с Кухулином ему обещали роскошную колесницу, одежду на двенадцать воинов, плодородную землю и в придачу дочь королевы, которую Медб предлагала каждому, кто пожелал бы сразиться с Псом Кулана.

— Жестоко пронзает копье Кухулина, — отвечал Фердиад, — грозен и меч его, в бою нет ему равных.

Долго уговаривала королева воина, и вот уже мчится гонец к Кухулину. Фердиад вызывает на бой.

— Не хотел бы я встречаться с другом в битве, — вздохнул Кухулин, — но за мной улады, и никто не переступит границу Ульстера.

В боевой колеснице мчится к броду через реку Матток славный Фердиад, навстречу ему несется с криком победоносный Кухулин, колесница его подобна грому, кони — молниям, мощный голос доходит до далеких гор.

— Это Пес из Эмайн-Махи, Пес лютой битвы идет на нас! — вскричал возница Фердиада.

— Не страшен он мне! Так сказали мне друиды! — крикнул Фердиад, хотя видел бешеное вращение колес колесницы Кухулина, видел он и коней, одного серого, другого вороного, — коней с мощной грудью, крутыми боками и твердыми как гранит копытами. На колеснице же, подняв копье, стоял сам Пес Кулана.

И вот уже герои сблизились.

Приветствует Фердиад Кухулина, но суров Кухулин.

— Что тебе понадобилось в стране уладов, Фердиад? Зачем ты несешь позор и обиду нам?

Но вместо ответа стал поносить Фердиад Кухулина обидными словами, не стерпел Кухулин и сам стал было осыпать Фердиада бранью, но одумался и сказал:

— О Фердиад, знаю, что погибнешь ты от руки моей. И не получишь ни золота, ни других подарков, не достанется тебе и Финдабайр — за нее уже пятьдесят прекрасных юношей сложили голову. И зачем ты ради быка, пусть даже самого прекрасного в Ирландии, поднимаешь на друга руку?

— Не вспоминай о дружбе, лучше помни о своей смерти, — упрямо кричал Фердиад. — Слишком долго мы беседуем!

Стали тут они биться. Вначале дротики кинули друг в друга. Затем кинули тяжелые копья. Никто из них не был ранен. Тогда пошли они отдохнуть. Спали рядом, возницы сидели возле одного костра, кони паслись на одном лугу.

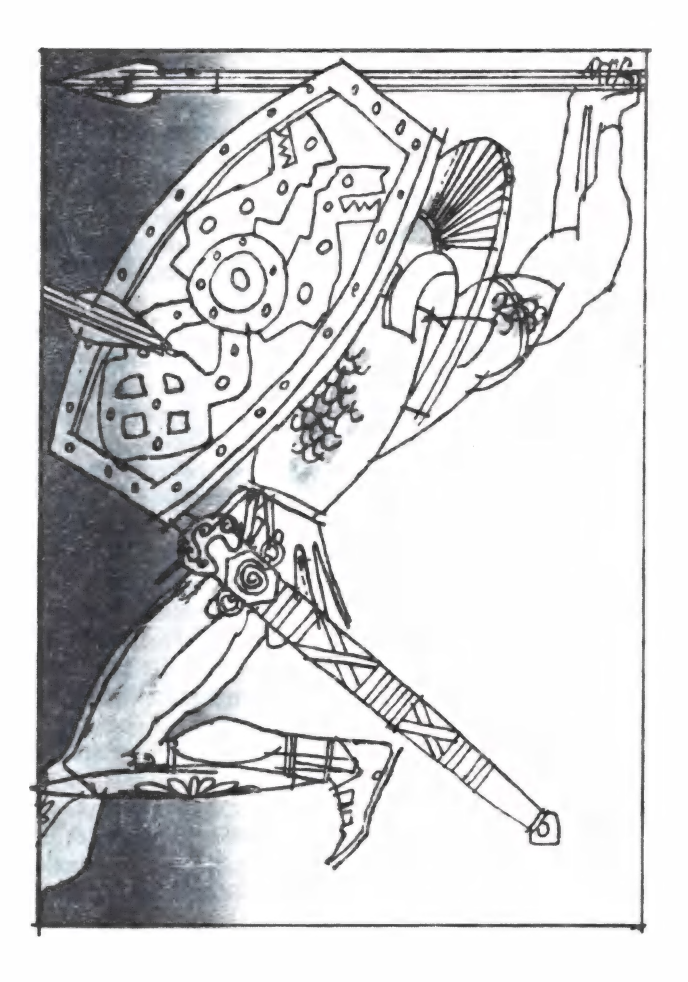
Утром опять закипел бой. Начали битву с копий, затем бились мечами. Слетелись хищные птицы, чувствуя смерть. Но живы герои. Вновь они вместе идут отдыхать после тяжкого боя. И Кухулин делится с Фердиадом снадобьями, а тот с ним пищей.

Еще раз предложил Кухулин закончить дело миром, но Фердиад был ослеплен друидами и обещаниями Медб.

Наступил третий и последний день битвы.

С утра попросил Кухулин Лаега, чтобы тот ругал его, как только он, Кухулин, начнет слабеть. И вот уже движется навстречу одетый для боя Фердиад,

в доспехах, в шлеме с гребнем, в руках меч с золотой рукоятью и воловий щит с пятнадцатью шишаками. Встретились они возле брода. Ударил Фердиад Кухулина, да так удачно, что чуть не упал герой. Запричитал Лаег, обозвал Кухулина ребенком. Ощутил тут Кухулин силу необыкновенную. Сошлись бойцы прямо посреди брода, щит к щиту, да так тесно, что лопнули щиты, а копья искривились, и вышла вода из берегов, и не осталось на дне ни одной капли. Тут-то и ударил Фердиад Кухулина мечом и ранил в грудь. Тогда Кухулин схватил свое рогатое копье, которое метал он ногой, и, захватив его двумя пальцами ноги, бросил в Фердиада. Пробило копье доспехи героя, вонзилось в тело, наполнив каждую его частицу болью.

— Я умираю, Пес! — прошептал Фердиад.

Кухулин поднял его и на руках перенес на свой берег, положил на траву и начал оплакивать друга, который стал его врагом по прихоти Медб. Он вспоминал, как они учились у Скатах, как вместе ходили на битвы, вспоминал, каким другом был Фердиад, и думал о том, как злобны враги, которые стравили их.

Но коннахтцы шли уже толпой, чтобы растерзать Кухулина. Не было больше времени для плача, надо было вступать в новый бой.

Яростно сражался Кухулин, и жгла его сердце обида за гибель друга. Дрогнули враги, затем в беспорядке стали отступать и, наконец, побежали.

Так из-за мелочного тщеславия королевы Медб произошла великая битва между двумя великими героями Ирландии, которая закончилась так печально.

После битвы с коннахтцами удалился Кухулин в свой дворец на равнине Муртемне и еще долго оплакивал гибель Фердиада.

Шли годы. Во многих сражениях участвовал Кухулин, много пришлось повидать ему разных стран. Не было славнее героя в Улле, чем Кухулин.

Но...

СМЕРТЬ КУХУЛИНА

Но разве может простить Медб уладам и Кухулину смерть своих воинов, разве может она не завидовать богатству Ульстера, разве может она забыть, что в Куалнге живет бык по имени Бурый, который так и не достался ей? Разве ей не претила слава Кухулина?

Она только и ждала, когда опять нападет недуг на уладов, чтобы извести героя. И то, чего она ждала, случилось: вступило в силу проклятие жены Крунху. И, как всегда, обошло оно стороной только Кухулина, потому что отцом его был Луг, бог света и всяческого умения.

В этот-то момент и собрала Медб войско, в котором было много врагов и завистников Кухулина. Во главе выступали три одноруких брата Калатины, с которыми бился Кухулин еще в Куалнге. Двигалось войско к Эмайн-Махе, сжигая все по пути, так что дым пожарищ застилал столицу уладов.

Запах дыма донесся и во дворец Кухулина.

— Опять коннахтцы идут войной на нас. И снова я один. Но разве может оставить Пес Кулана

беззащитным свой народ? Ступай, Лаег, запряги колесницу!

Надел Кухулин алую рубаху с пятью складками и скрепил ее у ворота пряжкой из накладного золота, накинул сверху белый плащ с красными сверкающими нитями. Слева у него меч с золотой рукоятью, на плечах — багровый щит с серебряным бортом, украшенный золотыми фигурами животных. Таким предстал Кухулин перед битвой.

— Серый из Махи не дается мне. Это плохой знак! — предостерег Лаег, вбегая.

Не поверил Кухулин, подошел к коню. Но тот трижды повернулся к нему левым боком, а это было плохим предзнаменованием. К тому же богиня войны Морриган повредила ночью колесницу. И на это Кухулин не обратил внимания. Он стал гладить коня и говорить:

— Разве пристало тебе пугать меня приметами?

И вроде бы подчинился конь, пошел к колеснице, но скатились из его глаз три кровавые слезы, окропив копыта.

— Лучше нам сегодня не начинать бой! — взмолился Лаег.

— Вперед, Лаег! — повелел Кухулин. — Вознице подобает править конями, воину — сражаться, мудрому — советовать, женщинам — сетовать.

Не посмел ослушаться Лаег. Прежде чем выехать в поле, сделал полный круг на колеснице, чтобы избавиться от плохой приметы, о которой предупреждал Серый, Серый из Махи.

А рядом стояли женщины и дети. Стояли и горько рыдали, словно предчувствуя беду.

Направился Кухулин в сторону Луахайра. Вдруг увидел костер возле дороги. Вокруг костра сидели три ведьмы и жарили собачье мясо. Заметив Кухулина, а они по приказанию Медб давно его поджидали, ведьмы выбежали на дорогу и пригласили поесть с ними. Не в обычае уладов было отказываться от угощения. И не знал герой, что это собачье мясо. А Псу Кулана никак не пристало есть собачину. Начал он есть мясо и почувствовал, как слабеет его тело, но опять не обратил он на это внимания.

Продолжал свой путь Кухулин, пока не выехал к равнине Муртемне.

Враги ждали его там. Они образовали своими щитами стену, а перед войском заставили биться двух воинов. Это была хитрость коннахтцев, так как знали они, что благородный Кухулин непременно попытается разнять их и тем самым встанет перед вражескими копьями.

Действительно, Кухулин подъехал к бойцам и спросил:

— Что вы не поделили, воины?

Тут же из-за щитов полетели в Кухулина вражеские копья. Одно попало в Серого из Махи, и остался у героя один конь, черный как смоль. Другое копье смертельно ранило лучшего из возниц Ирландии Лаега.

— Сегодня я буду бойцом и возницей на колеснице с одним конем! — горько вскричал Кухулин. — Но никогда на голову уладов не падали позор и проклятие из-за моей скупости. Клянусь, не случится этого и сегодня! — И он метнул копье во врагов, так что замертво упали целые толпы.

Но враги опять сплотили щиты, и не мог пробиться Кухулин к своему копью, которое было заговоренным: только от него мог погибнуть герой. Коннахтцы знали об этом. И вот уже один из них схватил копье Кухулина, бросил его в героя. Упал Пес Кулана на подушку колесницы. Силы начали оставлять его. Только не таков был Кухулин, чтобы умереть лежа. Собрав остаток сил, он поднялся, зажав одной рукой рану в груди, а другой крепко стиснув меч.

— Ну-ка, подходите поближе, прислужники Медб, и вы, безрукие трусы, Калатины!

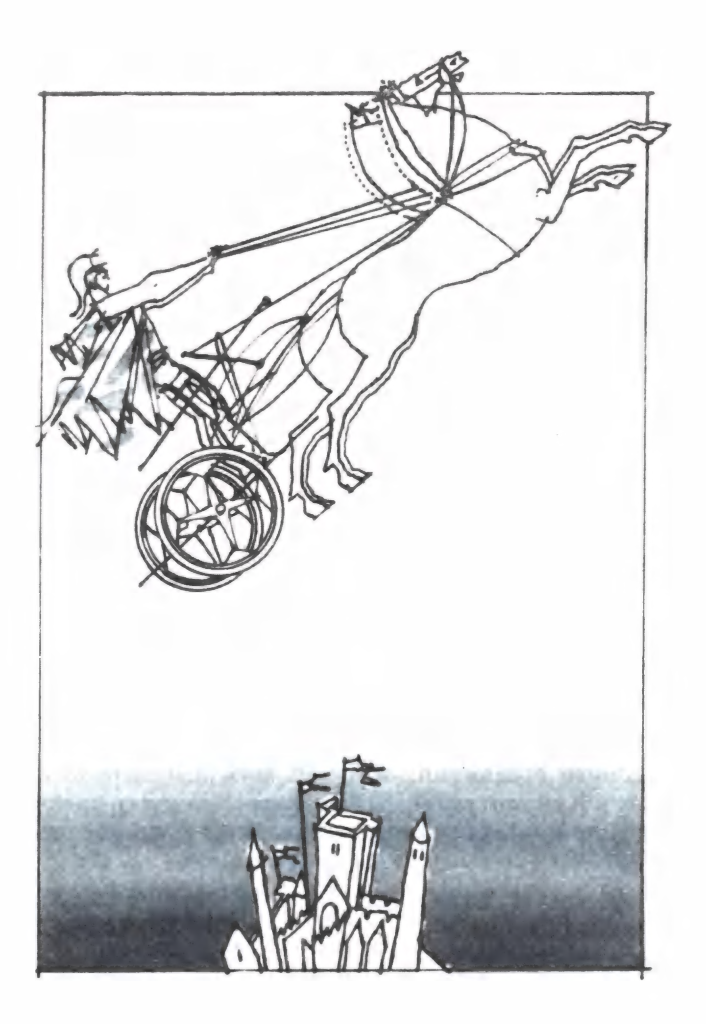
Враги окружили его, но близко подойти боялись. Уж очень страшен был лев уладов даже и раненый.

— Позор вам, — закричала тут сама королева Медб, — если вы не снимете с него голову и не отомстите за землю Коннахта!

Ринулись коннахтцы к колеснице, но пришли тут на помощь герою кони: тяжко раненный Серый из Махи и Вороной из Мускрайг Тире. С громом понесли они колесницу, давя колесами вражеских воинов, убивая их своими копытами. Стонала земля, победным знаменем развевались конские гривы, и страшным знаком для коннахтцев была кровавая пена, что слетала с конских морд.

Много врагов погибло, но много и осталось. Все ближе теснились они к колеснице. Вот-вот схватят Кухулина. Превозмогая боль, поднял он свой страшный меч и опустил его на головы врагов, а сам упал бездыханный.

Он лежал в колеснице, и коннахтцы, несмотря на все увещевания Медб, не подходили близко к мертвому Кухулину, настолько их страх был велик.

Как только погиб Пес Кулана, так исчезло проклятье жены Крунху. Поспешно улады выступили на равнину Муртемне. Вел их Конал Победоносный. Ярость и гнев уладов были настолько велики, что коннахтцы даже не смели и сопротивляться. Беспорядочной толпой бросились они бежать и чуть не смяли колесницу Медб.

Но победа не принесла радости уладам. Горько оплакивал народ Эмайн-Махи гибель героя Кухулина. Скорбь растеклась по земле.

И случилось тут диво дивное. Появилась в небе над Эмайн-Махой колесница, запряженная двумя конями, серым и черным, в ней Кухулин с копьем в руках и щитом за плечами, и разнеслась над землей песнь:

Сокровище, чудесная моя Эмайн-Маха!
Благословенна на веки будь столица уладов,
Эмайн-Маха!
Твой Кухулин всегда на посту, Эмайн-Маха!
Верный Пес Кулана не покинет тебя,
Эмайн-Маха!

Вот так кончается повесть о герое Кухулине, славном сыне Ирландии, который жил две тысячи лет назад в Куалнге возле Эмайн-Махи. Это самое древнее сказание ирландцев, которые видели в Кухулине идеал доблести и высокой нравственности.

КЕЛЬТЫ

Величья полны их дела и мечты.
Одетые камнем
их крепости гордо глядят с высоты,
красуясь веками.
Держали совет на зеленых холмах
вожди их седые,
лосей добывали в окрестных лесах
стрелки молодые.
Средь них был и Финн, прародитель певцов,
чьи древние песни
поныне вселяют отвагу в бойцов,
звучат все чудесней.
В супруги взял Гранию доблестный Финн,
любовью согретый.
Сын силы и мужества, мудрый их сын
стал первым поэтом.
Много веков знаменит Оссиан,
воспевший героев,
ни ропот врагов, ни могильный курган
их память не скроют.

Красива Ирландия и утром, и днем, и вечером, и ночью. Она прекрасна весной, когда на обширных полях зеленеет ячмень или рожь, когда луга покрываются клевером, а дубовые рощи поднимают свои обновленные кроны к небу. Она прекрасна летом, когда теплые воды морей плещутся о скалистые берега острова и рыба играет в этих волнах; она прекрасна осенью, когда собирают урожай и празднуют праздник Самайн, которым издревле встречают зиму. Зимой же, когда мирно тянутся к небу дымы печей, в которых горит торф, дающий такой уютный жар, приятно посидеть возле огня вечером в кругу семьи и друзей и рассказать о том, что бывает с людьми, какие необыкновенные приключения выпадают порой на их долю. Нет и не будет в Ирландии такого человека, который не смог бы рассказать что-то другим.

БАЙЛЕ И АЙЛИН

У славного Буана был сын, который своей добротой и благородством снискал любовь всех. Звали его Байле Добрая Слава.

А у Лугайда, что жил возле Лагена, была дочь по имени Айлин, девушка очень красивая, с душой чистой, как родник возле горы Фуат.

Полюбили друг друга Байле и Айлин. И назначили они свидание в местечке Росс-на-Риге.

Об этом прослышал Буллах, коннахтский воин, который долгое время добивался руки прекрасной Айлин.

И стал он думать, как бы помешать свиданию влюбленных.

Наступил день свидания. Байле вышел из Эмайн-Махи и пошел по долине Муртемне в сторону горы Фуат. День был солнечный и теплый. Тихо пела трава под ветром, и ярко зеленели вдалеке дубовые рощи. Вот возле такой дубовой рощицы и решил Байле слегка отдохнуть. Только он расположился возле ручья в тени старого дуба, как видит, идет странник, притом идет быстро, как будто спешит по важному делу.

Не утерпел Байле и спросил:

— Куда спешишь, прохожий?

— В Эмайн-Маху, юноша, — отвечал тот. — Страшную весть я несу и даже не знаю, как ее передать.

— Что же случилось? — встревожился Байле.

— Дело в том, что дочь Лугайда полюбила Байле, сына Буана, и шла к нему на свидание. И тут

на нее напали разбойники и убили. Недаром ведь предсказали друиды, что не быть им вместе при жизни, а только после смерти.

Сказав так, странник, а это был не кто иной, как Буллах, поспешил прочь.

Когда услышал Байле столь ужасную весть, упал он бездыханным на землю. И похоронили его друзья здесь же.

Вокруг могилы насыпали вал, на ней воздвигли камень, а потом вырос рядом с камнем тис.

Айлин же спешила на свидание к Байле. Навстречу бежит гонец.

— С какой вестью бежишь ты? — спросила Айлин.

— С ужасной, — отвечал гонец, прикрывая лицо плащом. — По дороге из Эмайн-Махи я видел, как улады поминали Байле.

Услышала это Айлин и упала замертво на землю. И похоронили ее подруги здесь же. И скоро рядом с могилой выросла прекрасная яблоня.

Прошло семь лет. Друиды и барды срубили тис, сделали из него древесные дощечки, на которых стали записывать легенды о любви. Так же поступили и лагены с яблоней, что росла возле могилы Айлин. Однажды на праздник Самайн собрались поэты со всей Ирландии и принесли с собой дощечки. И как только соприкоснулись яблоневая и тисовая дощечки, так и остались вместе. Ни в чьих силах их было разъединить.

Яблони Айлин чистый дух,
Тиса могучего крепость —
Вот что ласкает влюбленного слух!

ИСТОРИЯ О ХРАБРОМ, УМНОМ И БЛАГОРОДНОМ КОННЕДЕ, КОТОРЫЙ РАЗДОБЫЛ ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ У МОРСКОГО ЦАРЯ ЛАФА ЕРНЕ

(По мотивам саг)

Вот какое длинное название.

А все потому, что это длинная история про смелого Коннеду произошла много-много лет назад. Потому многое-многое надо было и припомнить.

В то время Ирландия называлась вовсе не Ирландией, а Иннис Фодхла, что означает Страна Судьбы. Почему она так называлась, сказать прямо-таки трудно. Называлась, и все.

Дело ведь не в этом, а в том, что правил этой страной мудрый король Конномор. И была у него жена Эда.

Король Конномор и королева Эда очень любили друг друга, и все видели, какая это замечательная семья.

Если каких-либо достоинств не хватало в одном, они с избытком присутствовали в другом.

Но об этом даже и говорить не стоит, потому что недостатков у них вовсе не было, а были одни достоинства. А это совсем не значит, что жилось им скучно или они казались скучными другим. Наоборот, люди радовались, глядя на них.

Их любви и дружбе удивлялись небо, земля и море, и потому полны были закрома зерном, сады плодами, в озерах и реках плескались бесчисленные

рыбы, на пастбищах паслись тучные стада. Надо прямо сказать, что люди, жившие в то время в Иннис Фодхле, были счастливейшими из смертных. Именно в то время Ирландия называлась Счастливейшим королевством.

И вот у славного Конномора и доброй Эды родился сын. Мудрейшие друиды посоветовали назвать его в честь отца и матери Коннедой.

Вот тут-то и начинается настоящая история.

Коннеда рос сильным, умным, красивым и добрым. Отец и мать души в нем не чаяли. Весь народ любил Коннеду, и, клянусь солнцем, луной, звездами и всеми морями и всем другим, включая самого Коннеду, что не было раньше в Иннис Фодхле такого прекрасного юноши, как он.

И все было бы хорошо в его жизни, если бы не случилось несчастье: тяжело заболела мать-королева Эда и вскоре умерла.

С горя закрылся в своем дворце король Конномор и никуда не выходил, а юный Коннеда рыдал много дней, вспоминая любимую мать. Плакали вместе с ним воины и крестьяне, женщины и дети, плакали даже деревья в лесах.

Прошло много лет.

Успокоился король Конномор. Решил жениться во второй раз. Послал гонцов во все стороны, чтобы нашли они ему принцессу такую же красивую, умную и добрую, какой была Эда. И ведь нашли слуги верные такую женщину. На соседнем острове. Как будто не было в Иннис Фодхле прекраснейших дев!

Но в любом случае, когда ищешь жену, глаза можешь оставить дома, а уши прихвати с собой.

Вначале новая жена Конномора, как и положено быть вначале, была и в самом деле женщиной порядочной. Людям даже казалось, что рядом с Конномором на престоле восседает новая Эда. Но вот когда у нее родился сын, все изменилось. Коннеда и не подозревал, как возненавидит его мачеха. Ведь чуть с ума не сошла от ненависти. А все оттого, что не хотела, чтобы Коннеда унаследовал престол Конномора. Желала она, чтобы ее сын стал королем.

Поистине: кто думал только о себе, хотел раздробления Ирландии.

Решила она сделать все возможное, чтобы извести Коннеду. Стала нашептывать Конномору ужаснейшие вещи про его первого сына, но смеялся славный король в ответ. Тогда она стала распространять глупейшие слухи среди воинов, крестьян, женщин и детей. Но те лишь смеялись и отмахивались руками. Сам же Коннеда, хотя и слушал, что про него говорила мачеха, относился к ней с терпением и жалостью, так как не в его правилах было множить зло, то есть отвечать на зло злом.

Поняв, что бессильна что-либо сделать против пасынка, отправилась она к старой и злобной колдунье Кайлеахе, своей тетке.

Узловатую ткань трудно разгладить. Не мытьем, так катаньем решила она своего добиться.

Кайлеаха была не только злая, но и жадная невероятно. За горсть зерна она могла натворить столько зла в мире, что и представить невозможно. Разве были у нее друзья! Ведь она жила, приговаривая: «Вот еще один враг. Убей его!»

Низко склонилась перед колдуньей королева.

— О добрая и мудрая Кайлеаха! — сладко запела она. — Нет и не будет умнее тебя в этом мире! — И деловито добавила: — Ты знаешь, зачем я пришла к тебе. На то ты и колдунья. Что можно сделать с этим Коннедой? Я не останусь в долгу. Отблагодарю, как потребуешь.

— А не дороговато ли это будет для тебя, королева? — хитро прищурилась старуха.

— О Кайлеаха! Разве мало зерна в Иннис Фодхле? Разве мало шерсти в Иннис Фодхле? Разве не хватает рыбы в Иннис Фодхле?

— Ну что ж, если ты всем этим можешь распоряжаться, то совет я тебе дам. За него отдашь ты столько шерсти, сколько войдет в мой дом, и столько самой лучшей пшеницы, сколько я пожелаю.

— Я согласна, Кайлеаха.

И встала Кайлеаха на пороге своего дома, вытянула руки, растопырила пальцы и стала жадно загребать ими.

И потекла шерсть в руки колдуньи и далее в дом. До тех пор так стояла Кайлеаха, пока дом ее до самой крыши не был забит мягкой шелковистой шерстью, самой лучшей пряжей в Иннис Фодхле. И не осталось ткани людям этой страны.

Затем Кайлеаха прорубила дыру в крыше своего дома, и посыпалась в дом через эту дыру пшеница, лучшая в Ирландии.

Она сыпалась до тех пор, пока оставалось место хотя бы для одного зернышка. С того дня не ели досыта люди в Иннис Фодхле.

— Ты получила свою плату, мудрая Кайлеаха? — спросила жена Конномора.

— Да. Слушай меня. Когда вернешься во дворец, пригласи Коннеду сыграть с тобой в шахматы. И поставь условие: кто победит, тот требует все, что пожелает. Выиграешь ты, клянусь чарами Кайлеахи! И вот тогда-то ты прикажешь Коннеде или навсегда покинуть Иннис Фодхлу, или же в течение одного года, — запомни, одного года и одного дня, — добыть три золотых яблока, вороного волшебного коня и чудесную собаку по имени Сеймер. Всем этим владеет царь подводного царства Лаф Ерне, и живут там люди фикболги. Никогда не добраться Коннеде до этого царства. Значит, не выполнит он того, что прикажешь ему сделать. Не бывать ему царем Иннис Фодхлы. Я все сказала! Я — Кайлеаха!

И колдунья отвернулась от королевы, сладостно погрузив руки в мягкую шерсть, прекраснейшую шерсть, которая стеклась к ней со всей Иннис Фодхлы.

Вернувшись во дворец, королева вызвала к себе Коннеду и ласково улыбнулась.

О люди! Бойтесь трех вещей — копыта лошади, ро́га быка и улыбки женщины, которая захотела стать королевой.

— Славный Коннеда, забудем наши споры. Лучше сделаем так. Сыграем в шахматы, и тот, кто выиграет, — тот приказывает другому выполнить любое желание.

— Я согласен, жена моего отца. Я никогда не сердился на тебя и очень рад, что ты перестала сердиться на меня. И предложение твое мудро.

Они сели за шахматный столик и начали играть. И хотя Коннеда долго учился этой игре и велико-

лепно играл, а мачеха села за шахматы впервые, она выиграла.

— Ну что ж, милый Коннеда, — женщина не могла скрыть удовольствия, — настало время выполнять условие.

— Я готов, — тон Коннеды был спокоен, ибо не знал он еще, что предстоит ему сделать.

— Привези мне три золотых яблока, волшебного вороного коня и собаку Сеймер из подводного царства Лафа Ерне, в котором живут люди фикболги. И даю тебе сроку ровно год и один день. Запомни: год и день. Если ты с этим не согласен, то покинь Иннис Фодхлу. Не жить нам вместе.

Задумался Коннеда. Покидать родину ему не хотелось.

Не представлял он своей жизни без любимой Иннис Фодхлы.

— Я достану тебе яблоки, коня и собаку, — наконец промолвил он.

— Постой-ка, Коннеда, — вдруг сказала мачеха, — что-то захотелось мне сыграть с тобой во второй раз, чтобы доказать, какой ты неумелый игрок, да заодно и заставить выполнить еще одно желание.

— Ну что ж, давай сыграем еще раз, — согласился Коннеда. — У меня тоже появилось одно желание, которое было бы неплохо тебе исполнить.

Они принялись за игру, и так как в то время Кайлеаха слегка отвлеклась, перебирая зерно, она совсем забыла о своей племяннице. Эту партию, конечно, выиграл Коннеда. Наступила очередь женщине задуматься.

— Теперь выслушай мое желание, королева, — сказал Коннеда. — Поднимись вон на ту высокую башню, что возвышается над дворцом, сядь там у окна и жди меня ровно один год и ровно один день. Запомни: год и день. И ничего в это время не ешь и не пей. Только то, что принесут тебе птицы. Если ты не согласна, покинь Иннис Фодхлу. Теперь и я понимаю, что не жить нам вместе.

И Коннеда отправился в путь. Честно говоря, он ехал куда глаза глядят. Не знал он дороги в подводное царство.

Через некоторое время подумал он о своем друге друиде Фионне Дадхне из Слеабха Бадхны, что жил возле самого моря. Не раздумывая повернул он коня в ту сторону.

Ласково встретил друид своего юного друга. Дал умыться с дороги, накормил вкусной и разнообразной пищей, напоил редкими напитками.

После того как Коннеда отдохнул немного, волшебник спросил его, зачем он приехал.

— Ты же знаешь, добрый Фионн Дадхна, как не любит меня моя мачеха. Она долго пыталась избавиться от меня и наконец хитростью заставила меня сыграть с ней в шахматы, а выиграв, приказала поехать в страну Лафа Ерне и привезти оттуда три золотых яблока, волшебного вороного коня и чудесного пса Сеймера. Я даже не знаю, где находится эта страна. И, может быть, ты подскажешь мне, как туда добраться.

— Да, очень сложную задачу задала тебе эта злая женщина. Я и сам не знаю, как помочь тебе. Но ничего. Ложись спать. Утро вечера мудренее. Завтра я

посоветуюсь со своими друзьями, и мы что-нибудь придумаем.

На следующий день рано утром, когда на землю упали первые лучи солнца, мудрый волшебник Фионн поднялся на лужайку в горах и долго беседовал там с горными эльфами. Вернулся он опечаленный и задумчивый.

— О славный Коннеда! Непосильную задачу ты взял на себя. Никто, кроме Кайлеахи, одной из величайших колдуний, сестры царя Лафа Ерне, не мог посоветовать такого твоей мачехе. Я не в силах помочь тебе. Правда, есть маленькая надежда. Живет в горах птица с человеческой головой Еанчиндуине. Это очень мудрая птица. Она знает, что было, что есть и что будет. Трудно найти ее убежище и трудно добраться туда. Но у меня есть лошадка, маленький пони. Он хоть мал и лохмат, но это, честное слово, чудесный конек. Он домчит тебя до Еанчиндуине за три дня. Как раз через три дня птица эта станет видимой людям. Но так как это очень своенравная птица, она, возможно, откажется с тобой говорить, возьми вот этот драгоценный камень Лоргмхор и подари ей. Может быть, она посоветует тебе, что делать.

Коннеда с благодарностью взял камень, сел на чудесного конька и немедленно отправился в путь.

Стоит ли говорить, что это было полное приключений путешествие! И ясно, что чудесный конек говорил человеческим голосом. Он многое поведал Коннеде за те три дня, что они добирались до птицы Еанчиндуине.

И вот Коннеда увидел птицу. Она сидела на скале и пристально смотрела вдаль. В прекрасной короне,

что была на ее голове, играли лучи утреннего солнца. Заметив Коннеду, она слегка склонила голову, как будто спрашивая, зачем явился к ней этот человек из Иннис Фодхлы.

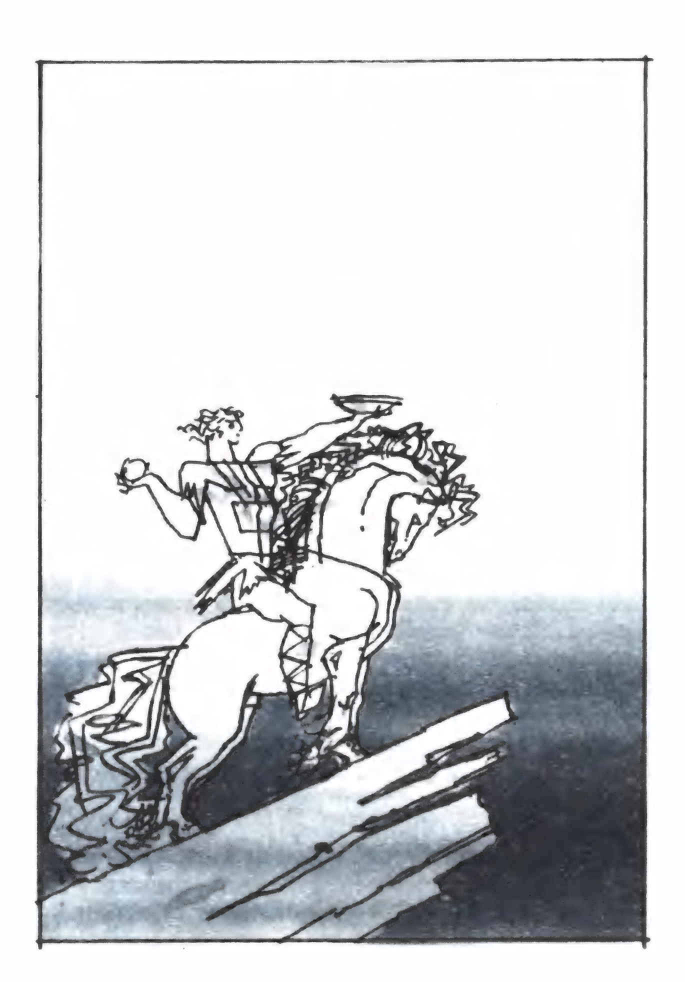
— О всезнающая Еанчиндуине! — обратился к ней Коннеда. — Помоги мне. — И он рассказал всю свою историю. Но Еанчиндуине молчала. Тогда Коннеда положил перед птицей драгоценный камень Лоргмхор, который засверкал ярче короны на голове птицы. Еанчиндуине взглянула на камень, расправила свои огромные крылья, которые заслонили солнце, и камень перестал сверкать, а лишь испускал вишнево-красное сияние.

— Передай мою благодарность старому Фионну Дадхне, — голос ее был хриплый, так как долгие годы молчала она в своем одиночестве. — А сейчас, Коннеда, сын Конномора, отодвинь камень, на котором стоишь, достань оттуда волшебный шар и маленькую чашку. Возьми чашку в руки, а шар брось перед собой, садись на своего лохматого конька и следуй за шаром. Я все сказала, я — Еанчиндуине!

Замолчав, птица вновь стала смотреть вдаль, и прямо на глазах Коннеды становились невидимы ее крылья, затем тело, затем она и совсем исчезла, как будто ее и не было.

Удивился Коннеда. Но сделал так, как сказала птица: отодвинул камень, достал оттуда шар и маленькую чашку, бросил шар перед собой, а чашечку взял в руки.

Потом сел на своего чудесного конька. И вдруг шар сам покатился, указывая путь. Долго следовал за шаром Коннеда, пока не прибыл на берег моря или

огромного озера. Как только они подъехали поближе к воде, так шар и скатился туда и исчез.

— Что мне делать теперь? — спросил Коннеда коня.

— Не расстраивайся! — отвечал тот. — Шар правильно показал нам путь. А ты достань-ка из моего левого уха бутылку с живой водой — алхеалем, а из правого — плетеную корзинку с кушаньем. И быстрей слезай с меня.

Коннеда спрыгнул с коня, достал из его левого уха бутылку с водой алхеалем, из правого — корзинку с кушаньем, и как только он сделал это, так сразу же очутился под водой. В царстве Лафа Ерне. Царство то охраняли драконы, которые шипели и изрыгали огонь из своих пастей. Это были воистину страшнейшие создания, каких когда-либо порождал мир.

— Не теряй времени, Коннеда, — сказал конек, оказавшийся рядом. — Открывай корзинку и бросай кушанье этим драконам. Затем прыгай на меня, и мы помчимся как вихрь. В это время сумей бросить им еще по куску этого славного кушанья. Они закроют свои зловонные пасти, и мы будем в безопасности. Только не бойся ни шипения их, ни огня.

Помчались они прямо на драконов. Те еще сильнее зашипели, закрутили своими огненными мордами, изготовились к страшному прыжку, но Коннеда ловко бросил прямо в их пасти волшебной пищи, пасти захлопнулись на миг, но этого было достаточно, чтобы Коннеда с коньком миновали чудовищ.

— Ты еще жив, Коннеда? — спросил конек.

— Если честно признаться, то наполовину, — ответил тот.

— Значит, все-таки жив. Готовься к другим испытаниям, а пока последуем за шаром.

И точно, шар снова катился перед ними. Ехали они, может, долго, а может, не так долго, но прибыли к Огненной горе, вершина которой уходила в неведомые высоты.

— Держись покрепче, друг Коннеда! — проговорил конек. — Мы должны перелететь через эту гору, а она, как видишь, пострашнее жадных драконов.

Надо отметить, что тут Коннеда не на шутку испугался. Но ничего не сказал он, лишь крепче уцепился за гриву коня. Разбежался конек, стрелой вознесся вверх, пламя на мгновение охватило Коннеду, но вот гора позади.

— Ты еще жив, друг Коннеда? — спросил опять конек.

— Честно говоря, жив и не более, — признался Коннеда.

— Значит, все-таки жив. Готовься к другим испытаниям. А сейчас смочи свои раны водой из бутылки. Можешь немного и отпить.

Коннеда смочил ожоги водой алхеалем, отпил глоток и вновь почувствовал себя сильным, здоровым и бесстрашным.

— Ну, а теперь в путь! — сказал конек.

И поехали они снова за шаром, который катился перед ними. Наконец увидели они огромный город с высоченными стенами.

Перед воротами города стояли две раскаленные добела башни. Они то сходились, то расходились, и жар от них опалял все вокруг. С удивлением и

страхом смотрел Коннеда на это диво, не представляя, как можно пройти в город.

— Вынь из моего правого уха острый нож, — сказал между тем конек. — Убей меня. Сними шкуру и спрячься. Затем иди к башням. Если ты не испугаешься, то достигнешь ворот и войдешь в город. А тот, кто вошел туда, может входить и выходить из города сколько угодно раз. Только обещай мне и поклянись солнцем, небом и луной, что выполнишь следующее: вернись потом ко мне, отгони зловонных воронов от меня, смочи мое тело живой водой алхеалем, затем закопай меня в землю. Обещаешь ли ты мне все это сделать?

— О мой чудесный конь и друг! — воскликнул Коннеда. — Что за страшные вещи предлагаешь ты мне сделать?! Мое сердце разрывается от боли. Нет, лучше я приму самую ужасную смерть, чем пожертвую тобой ради каких-то яблок. Ты хочешь, чтобы я потерял стыд и честь? Нет! Я не буду слушать тебя и не последую твоему совету.

— Эх, Коннеда! — прошептал печально конь, хотя и приятно ему было слушать королевича. — Как ты не понимаешь, что если ты не выполнишь этого, мы оба погибнем. Но если ты сделаешь так, как я сказал тебе, все будет хорошо. Тебе и мне. Разве я обманывал тебя прежде? Почему ты сомневаешься? Делай так, как я говорю, если не хочешь, чтобы мы умерли страшной смертью и больше никогда не увидели бы друг друга.

Долго не решался Коннеда достать нож из уха коня, но вера в слова друга уменьшила его сомнения, и со слезами он вытащил нож и как только направил

его на коня, тот сразу упал, хотя нож не успел еще и коснуться его. И умер. Горько заплакал Коннеда. И со слезами на глазах он сделал все так, как сказал конек. Завернувшись в шкуру, он пошел к башням и прошел мимо них безбоязненно.

В удивительный город попал Коннеда. Жило в нем много людей, стояло много красивых зданий. Люди были счастливы и смеялись, но какое дело было Коннеде до их смеха, если сам он рыдал, вспоминая о друге? Он сделал лишь несколько шагов от ворот, но вернулся и направился к останкам чудесного конька, чтобы выполнить вторую часть обещания. Когда он подошел ближе, то увидел огромную стаю ворон, которые с жадным карканьем летали вокруг. Коннеда отогнал их. Вынул бутылку с водой алхеалем. Побрызгал живой водой на мертвого друга, остальное вылил в маленькую чашечку и влил в рот умершего. И хотел было уже закапывать, как конь вдруг ожил и мгновенно превратился в прекрасного юношу, который бросился к Коннеде и стал обнимать его.

— Благородный Коннеда! Ты спас мою жизнь! Если бы не ты, я так бы и остался конем. Я брат царя Лафа Ерне. Меня заколдовала злая моя сестра Кайлеаха. Но она не знала, что я служил волшебнику Фионну. И когда ты пришел к нему, он отдал меня тебе, так как хотел спасти нас обоих. Теперь ты получишь в награду все, что хочешь!

— Бóльшей награды, чем ты сам, мне не нужно!— радостно воскликнул Коннеда.

— А как же условие твоей мачехи? Ведь ты лишишься своей родины! Но давай пойдем к моему брату Лафу Ерне!

Обнявшись, они пошли к великолепному дворцу морского царя. И встретили их там, как встречают самых дорогих гостей.

Подарили Коннеде три золотых яблока с золотого дерева, привели волшебного коня и чудесную собаку Сеймер. А затем устроили такой пир, что длился он три дня, и все, кто хотел, сидели за пиршественными столами.

Уговорили Коннеду погостить у Лафа Ерне. Коннеда с радостью остался.

Летели дни, подходил срок. Собрался Коннеда домой. Весь народ вышел провожать его. Сам царь Лаф Ерне помог Коннеде сесть на вороного коня, брат его дал в руки Коннеде цепь от ошейника Сеймера, и оба просили, чтобы Коннеда не забывал их и приезжал в гости.

Ровно через год и один день вернулся Коннеда в Иннис Фодхлу.

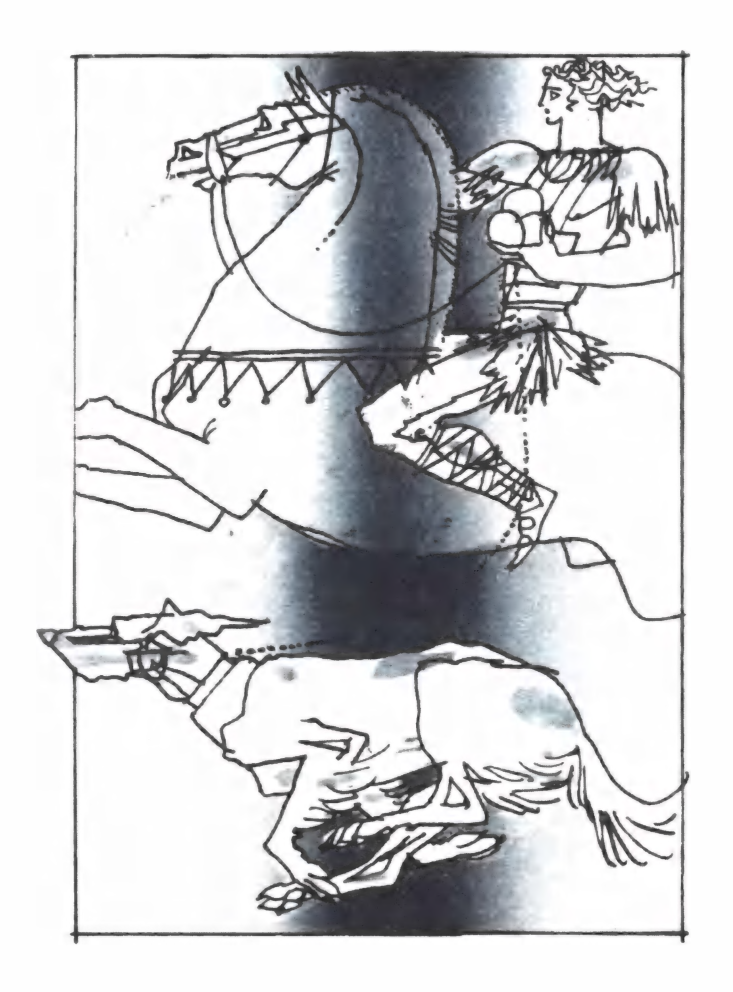
Если для Коннеды это время прошло незаметно, то мачеха его просто измучилась, сидя в башне и все время поглядывая на дорогу. В последний день она уверовала, что не вернется Коннеда, а значит, ее сын станет королем Иннис Фодхлы и будет править всей Ирландией.

День подходил к концу, как увидела она всадника на вороном коне, в руках он держал золотые яблоки, а рядом бежала собака.

— Кайлеаха! Помоги мне! — закричала королева, но в ответ услышала лишь свист ветра.

Наступила для нее в тот день вечная тьма, смешанная с бесконечной тишиной.

А Коннеда посадил семена золотых яблок в землю,

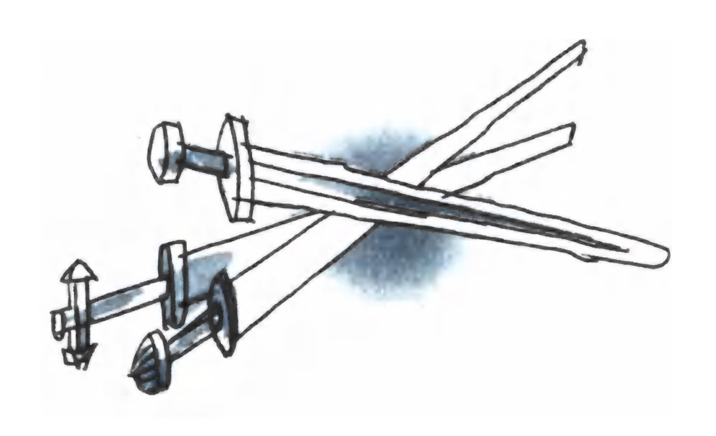
и выросло из них волшебное дерево. И пока живо было оно, на полях собирали богатые урожаи, на лугах паслись многочисленные стада, много было зверя в лесах и рыбы в реках. Коннеда дожил до глубокой старости.

В честь его так и назвали то королевство — Коннеда или Коннахт.

Так что не всегда там властвовала своенравная королева Медб.

„ЛИЛЛИ
БУРЛЕРО“...

Ярость моря, бушующий шквал
на меня не наводят грусть.
Пусть хоть викингов выплеснет вал
все равно я их не боюсь!

Серые волны моря мрачно уступают дорогу ладье и вновь смыкаются позади, как бы стараясь спрятать следы преступления. Ладья, воинственно подняв свой хищный нос, несется вперед и вперед, и гудит парус под злым северным ветром. Викинги (звали их еще и норманнами, и варягами, и просто разбойниками) стремятся к земле, где есть золото и хлеб, меха и ткани, скот и рабы, а впрочем, чем бы ни обладала та земля, все пригодится пирату. Ох и жестока будет битва, которая закипит прямо на берегу!

Двести лет сражений, двести лет отпора грозным мореплавателям с берегов Скандинавии приучили ирландцев к повседневной готовности к войне. Но готов-

ность готовностью, а вот настоящей армии не было, поскольку ирландские племена никак не могли создать меж собой крепкий союз.

Если с малыми дружинами викингов еще можно было сражаться и зачастую выходить победителем, то что можно было сделать с хорошо организованной и великолепно по тем временам оснащенной оружием армией англичан? Ее вели опять же норманские воины, которые в одиннадцатом веке завоевали Британию. Но ирландцы не сдались легко. Четыреста лет понадобилось, чтобы Ирландия стала частью Великобритании, окончательное же покорение страны, но не народа, пришло во времена Кромвеля, то есть в XVII веке. И только в начале нашего века Ирландия вновь стала свободной, хотя и не полностью: до сих пор Ольстер (то есть Ульстер, страна уладов) находится под английским владычеством.

Тебя зовут Ибер, Эрне, Эйре, Ирландия! Сколько же за этим кроется и муки, и борьбы, и счастья победы!

Англичане, захватив Ирландию, опустошили ее, превратили народ в рабов, вернее, хотели обратить, но ирландцы под руководством своих вождей Шейна О'Нейла, Десмонда, Хью О'Нейла и других не менее известных не раз давали достойный отпор колонизаторам. Восстания происходили по многим поводам: и экономическим, и политическим, и религиозным.

Религия... Она пришла к ирландцам непосредственно из древней Римской империи в пятом веке. Народ по-своему принял христианство. Во многом оно видоизменилось и было приспособлено к родовому укладу жизни. Но затем христианство, в данном

случае римско-католического толка, стало мощным оружием борьбы ирландцев против англичан, которые перешли в протестантство. И тут дело не в том, что ирландцы очень любили далекого римского папу и католичество в целом, а в том, что нашли еще один способ противостоять захватчикам.

Девять крупных восстаний только до шестнадцатого века! Англичане жестоко подавляли их, сжигая и уничтожая всех и вся. Они превратили Ирландию в свое картофельное поле и луга для своих овец. На долю ирландцев достались нищета, безграмотность, запрет говорить на родном языке. И все же ирландцы не думали сдаваться. Борясь за свободу, они даже песни превратили в грозное оружие борьбы. Как, например, вот эту «Лилли бурлеро...», где под именем Тирконелла, генерал-губернатора Ирландии, подразумевается сам король Яков II, который решил использовать католическую веру и самих ирландцев для того, чтобы вернуть себе трон в далеком Лондоне. Ирландцы хорошо поняли, что это просто грязная игра и что ничего не изменится для них, даже если сам папа римский вмешается: ведь тот же епископ Тэббот, назначенный папой, лишь верный слуга англичан.

Итак, «Лилли бурлеро — буллен а ла», — что означает: «Это враг, защищайся!»

* * *

Тиг, ты знаешь последний указ?
Лилли бурлеро — буллен а ла.
Епископ новый будет у нас.
Лилли бурлеро — буллен а ла.
Леро, леро, леро, лилли бурлеро — буллен а ла.
Леро, леро, леро, лилли бурлеро — буллен а ла.
Клянусь, это Тэббот нам будет дан.
Он перережет всех англичан.
Пускай ярится британский трон,
мы установим божий закон.
И римский папа нам не указ:
хартия вольностей есть у нас.
Добрый Тэббот взошел на борт.
Скоро он с войском прибудет в порт.
Солдаты во Франции дали обет
католиков наших избавить от бед.
Но что это, Тэббот? А ну постой:
не сам ли король за твоей спиной?
Ты обмануть хотел народ:
вас протестантский ветер несет!
Ты обещал нам свободу дать,
но с вами свободы нам не видать.
Не сваришь каши с таким послом:
он оказался тупым ослом.
Ведь было пророчество в старину:
осел и собака захватят страну.
Тирконнел, сбылись твои мечты:
Тэббот — осел, а собака — ты!

* * *

Эй, Пэдди, слышал — указ нам вышел:
Трилистник вне закона!
Нельзя отныне расти ему на земле исконной.
И под запретом еще при этом
Зеленый цвет в одежде,
Никто не смеет теперь носить его, как прежде.
Я встретил друга, он сжал мне руку
И вымолвил с тоскою:
«Мучениям нет конца, как можно терпеть такое!
Пошлет немедля любого в петлю
Властитель непреклонный.
Любого, кто вздумает вновь
Выйти в наряде зеленом!»
Ну что ж, прекрасно — наденем красный,
Он нам напомнит сразу
О крови, что пролил народ, борясь с жестоким указом.
Со шляпы быстро сорви трилистник
И брось его спокойно:
Пусть топчут его — все равно взойдет на земле
исконной!

БУЛАВОГ

Когда над лугом скатилось солнце,
на скалах вспыхнул большой костер
и отовсюду сбежались люди,
пришли из леса, спустились с гор.

И громко крикнул отец наш Морфи:
«Вовек ирландцу не быть рабом!
За мною, братья! Вперед на битву!
Добудем волю или умрем!»

В атаку Морфи полки ведет,
дрожат британцы — их гибель ждет.
Покажет бриттам у нас любой,
как начинают мужчины бой.

Залита кровью трава долин.
Мы взяли Вексфорд и Камолин.
Мы отплатили врагу с лихвой
за Еннискорти и за Слив Койтл.

Ну что, помог вам «god Save the king»? *
Наш — Боллиеллис и Туббенкинг.
Король, послушай, что я пою:
«Ищи вассалов в другом краю!»

Пусть много наших лежит в крови,
но рядом с ними — бойцы твои.
Пусть сатанеет свирепый враг,
но гордо реет зеленый флаг!

---

* «Боже царя храни!» слова из английского гимна.

Сойдясь на круче, что над рекой,
ирландцы встали к спине спиной...
Но схвачен Морфи, в огне сожжен.
В раю вовеки пребудет он!

И те, кто шли с ним в одном строю,
их души тоже теперь в раю.
Костер восстанья не погасить!
Врагам ирландцев не покорить!

ДУБОВАЯ ВЕТВЬ

Любовь у ирландца чиста и скромна
и целую землю объемлет она.

Храни ирландца, дубовая ветвь!

С открытой душой он шагает к невесте.
Он даже с врагом обойдется по чести.
А если, случится, поднимет кулак —
то ради любви поступает он так.

Храни ирландца, дубовая ветвь!

ПАТРИК ШИХАН

Зовусь я Патрик Шихан,
мне сорок будет скоро,
родился в Типеррэри,
что возле Галтимора.
В семье хорошей вырос.
Ах, не забыть былого
и тех деньков чудесных
в усадьбе Ахерлоу!

Надорванный работой,
отец прожил немного.
Он умер на ступенях
у нашего порога.
Узнал о том помещик,
послал шерифа злого,
заставил нас покинуть
усадьбу Ахерлоу.

Пока, ища работу,
отмеривал я мили,
и мать моя, и сестры
нашли приют в могиле.
Спасибо добрым людям:
они сдержали слово —
родню похоронили
в усадьбе Ахерлоу.

Давно лишенный крова,
я пролил слез немало,
я голодал годами,

скитался где попало.
И чтоб спастись от горя,
от бедствия лихого,
пошел служить в солдаты
вдали от Ахерлоу.

— Вставай! — капрал орет мне. —
Не видишь — будет драка?
Эй, шевелись, тупая
ирландская собака! —
А я мечтал о доме,
так что же тут плохого?..
Гляжу — а я в России *,
вдали от Ахерлоу.

Ищу ружье на ощупь,
повсюду мрак кромешный.
— Неужто ночь настала?
— Опомнись, день, конечно! —
Мне выпала, я понял,
навек судьба слепого.
Нет, лучше лечь в могилу
в усадьбе Ахерлоу!

Увы, святая дева,
судьба моя нелепа!
Брожу по белу свету
и всюду темень склепа.
А я в бою не трусил,

* Баллада относится к периоду Крымской войны (1853—1856 гг.)

кричал врагу: «Хэллоу!»
Но больше не увижу
родного Ахерлоу.

Пособие платили,
да вновь пришли напасти.
И ни гроша отныне
не выплатят мне власти.
Смиренно подаянье
прошу я у любого,
прошу везде и всюду,
но лишь не в Ахерлоу.

Ирландские ребята,
теперь-то вы поймете:
поступите в солдаты —
весь свет вы проклянете.
А если все ж рискнете,
я расскажу вам снова
о том, чем кончил Патрик,
батрак из Ахерлоу.

КЕВИН БЭРРИ

В Маунтджойской тюрьме в понедельник
возвели на заре эшафот:
Кевин Бэрри восходит на плаху,
за свободу он жизнь отдает.

Было парню всего восемнадцать,
но у нас поклянется любой:
шел на казнь он без всякого страха,
с гордо поднятой головой.

И пускай накануне солдаты
у парнишки пытали ответ:
«Назови остальных — и отпустим!»
Кевин Бэрри ответил: «Нет!»

Он спокойно стоял пред толпою,
вспоминая родимую мать.
А как мать по нему убивалась —
это горе нельзя описать.

Сколько молодцев наших погибло
за свободу ирландской земли!
Их пытали, травили, рубили,
но согнуть никогда не могли!

Потому что такие, как Бэрри,
ни за что не отступят назад.
Потому что такие, как Бэрри,
нашу родину освободят!

* * *

Создатель растенья решил сотворить,
и в этом он не был на выдумку скуп.
И вот явился и стал царить
средь прочих деревьев ирландский дуб.

Дубу Ирландии славу поем,
сердцам ее трижды хвалу воздаем!

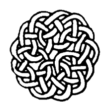
Друиды жили в его ветвях.
О дубе пели все барды земли.
А мореходы в смоленых ладьях
по миру славу его разнесли.

Дубу Ирландии славу поем,
сердцам ее трижды хвалу воздаем!

Пока над миром наш дуб шумит,
мир не будет убог и плох...

Дубу Ирландии славу поем,
сердцам ее трижды хвалу воздаем!

Под вечной сенью наш дуб хранит
Трилистник, Розу, Чертополох!

Пылят дороги по всей Ирландии. И пыль поднимается прямо в августовское небо. Вся Ирландия пешком или на повозках, верхом, а то и просто на костылях, если нет ноги у кого-то, стремится в славный город Доннейбрук, что расположен на реке Доддер, настолько широкой, что ее и не заметишь, зато уж мост — всем мостам мост, да и не один к тому же.

А в городе уже шум и гвалт. Раскинулись на площади рваные палатки, а между ними ходят люди в таких рваных одеждах, что палатки по сравнению с ними просто дворцы, и носят люди шесты, на которых висят такие тряпки, что одежда людей по сравнению с ними — просто царская. Тут корчат смешные рожи клоуны, там вышагивают по канату толстяки, а под канатом танцуют все кому не лень. Звон, писк, крик, смех, хохот, плач, шум, гомон, говор, песня, музыка, хлопанье открывающихся бочек с пивом, звук льющегося вина.

Италия и Франция могут позавидовать такому веселью. И главное, тут веселятся только бедняки. Бедняки всей Ирландии. Вот уж где ценится настоящая шутка, сто́ящий рассказ, песня и полное презрение ко всем так называемым приличиям. Тут черт может стать богом, а бог чертом, тут... да что такое происходит тут?

Доннейбрукская ярмарка!

ЭЙ,
НА ЯРМАРКУ
В ДОННЕЙБРУК!

ДОННЕЙБРУКСКАЯ ЯРМАРКА

Эй вы, нищие дети Парнаса,
виршеплеты и прочие плуты,
если кто в Доннейбрук не собрался,
поспешай, не теряй ни минуты!

О веселый разгул Доннейбрука!
Посмотри — и забудешь печали:
два моста здесь глядят друг на друга,
но давненько воды не видали.

Эй вы, дублинцы, эй, остроумцы,
расцелуйте хозяек и — в стремя!
Эти славные дни не вернутся,
если вы провороните время.

Здесь от жира визжат поросята,
здесь сапожники тощие бьются.
Девы, знай, все меняют наряды,
бегуны и в мешках не споткнутся.

Здесь жокеи в отменных ботинках
на подкованных знатно лошадках.
Здесь, афиши, плакаты, картинки...
Всё на ярмарке, кроме порядка!

Здесь сойдутся и плотник, и пильщик,
кумовья по опилкам и стружке.
Золотильщик, прядильщик, лудильщик
здесь приветливо машут друг дружке.

Здесь певцы, повара и поэты,
здесь и вдовы, и юные девы.
Здесь любые споют вам куплеты
и любое обстряпают дело.

Знаменитости здесь и бродяги,
о которых не слыхивал сроду.
Здесь проныры, шуты и сутяги,
верховые и пешеходы.

Здесь повсюду и сласти, и фрукты,
а толпища — попал и не выйдешь.
Не приедешь сейчас в Доннейбрук ты —
и такого нигде не увидишь!

Здесь танцуют ослы и собаки.
Корчат клоуны дикие рожи.
А какие у нас забияки —
в одиночку хоть сотню уложат!

Если пустят здесь кружку по кругу,
значит, будет пирушка что надо.
Если в танце закружат друг друга,
то уж будут кружить до упаду.

Здесь любое словцо говорится,
здесь любые позволены шутки.
Лишь вельможу, что вздумал кичиться,
опозорят навек в Доннейбруке.

В ТРИ ПАЛЬЦА ДЛИНОЙ

Жил в Данеголе человек, у которого нос был в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной. И случилось так, что как-то вечером, который был в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной, начал человек, у которого нос был в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной, рассказывать сказку в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной.

И вот если бы тот человек, у которого был нос в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной, тем вечером, который был в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной, не стал бы рассказывать сказку в три пальца длиной, ну в целых три, три пальца длиной, то и сказка получилась бы намного длиннее, чем в три пальца, ну в целых три, три пальца длиной.

Но увы! Этот человек, у которого нос был в три пальца, ну в целых три, три пальца длиной, начал рассказывать сказку в три пальца, ну в целых три, три пальца длиной как раз в тот вечер, который был в три пальца, ну в целых три, три пальца длиной, потому сказка получилась в три пальца, но зато в целых три, три пальца длиной!

БРЕННАН ИЗ МООРА

В Ирландии жил разбойник. Он был и отважен,
и смел.
Звали его Вилли Бреннан. Немало наделал он дел.
Килворта горы помнят славу его кинжала.
А сколько дельцов-толстосумов, завидя его, дрожало!

Бреннан из Моора, Бреннан из Моора,
ты гроза — богатым, беднякам — опора!

Дюжины две пистолетов за поясом он носил.
Он бедняков не грабил, лишь хлеба у них просил.
А что отнимал у богатых — в кубышку свою не
прятал:
все отдавал он вдовам, старцам и малым ребятам.

Попался ему разносчик как-то в лихую ночь.
Бреннан его обчистил — бедняга уплелся прочь.
Днем они повстречались и тут же разносчик прыткий
с Бреннаном стал торговаться и... разорил до нитки.

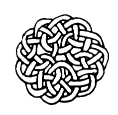
Однажды Бреннана сцапал мэр из города Кэшил:
«Готовься к смерти, мерзавец! Я много таких
перевешал.
Тебя распознал я сразу со всем твоим нравом
вздорным.
Пока посидишь за решеткой, а утром тебя мы
вздернем!»

Но только жена узнала, что муж за решетку попал,
стремглав к тюрьме прибежала и подняла скандал.
«Жена, ты что, позабыла, как я попадаю в шиллинг?»
Она догадалась мигом: ружье раздобыла Вилли.

Обезоружив стражу, он к мэру ворвался в дом.
Заставил его расплатиться и золотом и серебром.
Сто фунтов за голову Вилли выдать поклялся город.
Но не дурак был Бреннан и мигом подался в горы.

Частенько он веселился, глядя с горы на солдат:
попробуют влезть на скалы и тут же сползут назад.
Так жил удалой разбойник, не зная беды, покуда
его палачам не выдал мерзкий и подлый иуда.

СИЛАЧ И КУЗНЕЦ

Жил некогда очень сильный человек. Короче, силач. Сильнее его не было в Киллэри. Не с кем было помериться силой.

Скучно. И решил тогда этот силач отправиться в путь, поискать в Ирландии человека, который был бы если не сильнее его, то равным.

Он набил кошелек золотыми и сказал:

— Поеду-ка я по Ирландии. Поищу сильных людей. И если найду человека сильнее меня, отдам ему этот кошелек.

Может быть, и пришлось бы ему поездить долго, но случилось так, что только он выехал из Киллэри, как с копыта его лошади слетела подкова. Силач повернул к ближайшей кузнице.

— Эй, кузнец! Подкуй-ка мою лошадку. Только хорошие подковы выбирай.

— У меня все хорошие, — ответил кузнец. — Да вот хотя бы эта. Посмотрите, господин проезжий.

Силач взял подкову, поднатужился и сломал ее.

— Эх, кузнец, разве это подкова?!

— М-да-а! — Кузнец почесал в затылке. — В самом деле неудачная. Возьмите тогда вот эту.

Силач взял вторую подкову, поднатужился и сломал ее.

— Ну, кузнец, и плохие ты делаешь подковы. Моя лошадка просто с места не сойдет от обиды, если увидит, какую паршивую подкову ей нацепили!

— М-да-а! — сказал кузнец. — Не разучился ли я ковать? А ну-ка возьмите вот эту. Я ее вроде два дня назад сделал.

Силач взял подкову, поднатужился, но не сломал. Тогда он еще раз приналег на подкову со всей силы, но та выдержала.

— Вот эта ничего, — одобрил силач. — Давай подковывай.

Кузнец быстро подковал лошадь. И когда он вбил последний гвоздь, силач спросил:

— Сколько стоит твоя работа?

— Полкроны, — ответил кузнец.

Силач вытащил кошелек, открыл его и подал кузнецу монету. Тот взял ее, повертел, затем зажал между двумя пальцами и сломал.

— Разве это монета! — проговорил он.

— М-да-а! — Теперь уже силач почесал в затылке. — Возьми вот эту.

Кузнец взял вторую монету, снова повертел ее, затем опять же зажал ее между двумя пальцами, поднатужился и сломал.

— Эх, да разве это деньги?! Меня любой лавочник в шею прогонит, если я буду платить такими монетами.

— М-да-а! — сказал силач. — Не набил ли я свой кошелек фальшивыми монетами? Возьми-ка вот эту.

Кузнец взял монету, повертел ее, поднатужился и не сломал. Еще раз попробовал. Нет, не ломалась монета.

— Эта ничего, — проговорил он и положил монету в карман.

А силач вдруг всплеснул руками, хлопнул себя по лбу и закричал:

— Нашел! Клянусь всем на свете, нашел! Возьми весь кошелек. Потому что я поклялся, что если

встречу человека сильнее меня, я отдам все деньги ему.

— А откуда ты узнал что я сильнее? — удивился кузнец.

— Очень просто, — ответил силач. — Я ломал твои подковы двумя руками, а тебе двух пальцев хватило, чтобы мои монеты сломать. Хотя известно, что подкову-то сломать легче.

— Может, оно и так, — не возражал кузнец. — Но как бы там ни было, от кошелька я не откажусь.

— Я буду рад, если ты возьмешь его. Что кошелек?! Главное, что я нашел человека, с которым можно помериться силой. К тому же он живет рядом с Киллэри.

* * *

Коннаутец — тот,
кто в гордыне живет
и вечно родней своей чванится.
Напорист, как бык,
он драться привык,
в постели с ружьем не расстанется.

А мюнстерец — тот,
кто хитер, как енот:
наврет, наплетет всякой всячины,
хоть бей, осердясь, —
прилипнет, как грязь,
и будете вы одурачены.

А лейнстерец — тот,
кто живет без забот,
но все для него — лишь мошенники.
Ему пригрозить —
бежит во всю прыть,
как пес без ремня и ошейника.

А ульстерец — тот,
кто с опаской живет.
Все взвесит, продумает тщательно.
Сули хоть весь свет —
он ни слова в ответ,
пока не решит окончательно.

КОРОВА-ЛЮДОЕД

Это рядом с Керри, а может быть, рядом с Филмором случилось. Шел из города к себе в деревню батрак. Пэт Мак Лон его звали. А в городе он был потому, что покупал там ботинки, чтобы было в чем ходить зимой. Ну и ради экономии нес он новые ботинки в мешке, а шел в старых. Вечерело. Увидал Пэт дом недалеко от дороги и решил в нем переночевать. Постучался.

— Можно ли переночевать у вас? — спросил он хозяина.

— Да спи, — сказал тот. — Только в доме места нет. В хлеву, может быть...

Спасибо. На большее я и не рассчитывал.

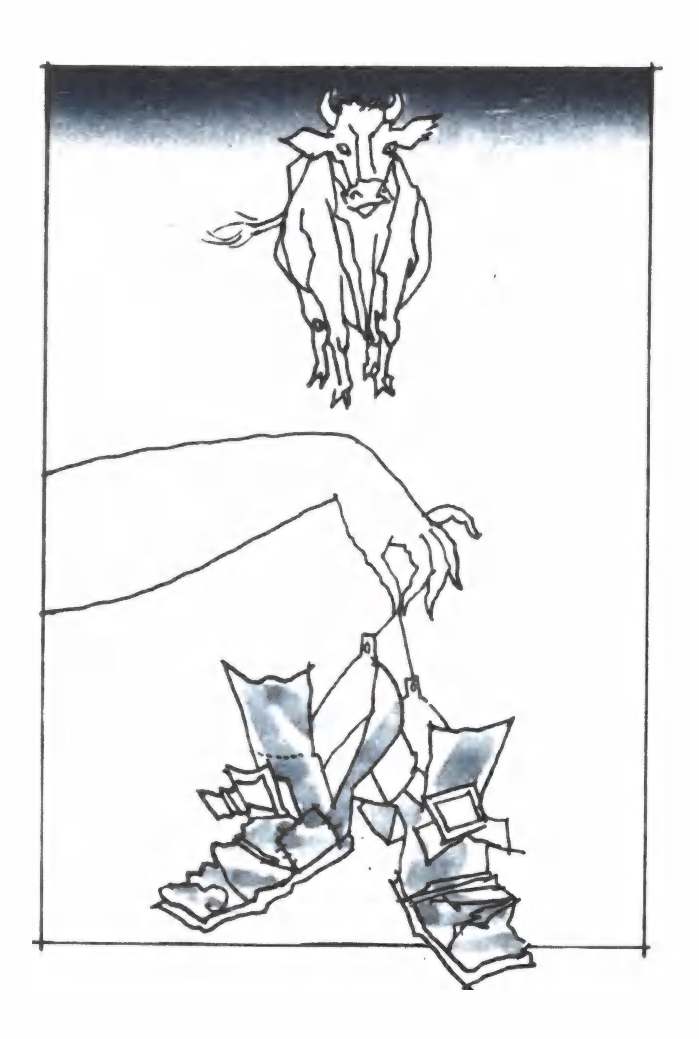
Пошел Пэт в хлев. Лег на сено. Хорошо! Тепло и рядом корова сено жует. Так и заснул под ее мерное дыхание. Утром рано встал. Подумал: а не надеть ли новые башмаки, до родной деревни не так много осталось? Так и сделал. Надел новые башмаки, старые в кормушку бросил, подальше от глаз - рваные были уж очень.

Ушел Пэт, а чуть спустя проснулись хозяева.

— Где-то там наш гость, жена? — сказал хозяин. — Иди-ка разбуди его да накорми.

Пошла жена в хлев. Видит: нет Пэта. Стала искать, нашла только старые ботинки в кормушке. Закричала, к дому бросилась.

Муж! Муж! страшное дело произошло в нашем доме! Наша корова съела гостя! Одни башмаки остались!

ДАЛЕКО ЛИ ДО ЛОНДОНДЕРРИ?

— Эй, Пэт, далеко ли до Лондондерри?

— Ну и удивил же ты меня! Если ты с такой легкостью узнал, как зовут меня, ничтожного, так трудно ли тебе узнать дорогу до столь славного города!

ВОТ И КОНЧИЛОСЬ «ЗАВТРА»

Так давно это было, что если бы я жил в те времена, то не дожил бы до сих пор, а если бы я не дожил до сих пор, так и не было бы у меня возможности сейчас рассказать вам еще одну историю.

Может быть, и правда, а может быть, и неправда, но жила-была старая, старая, ну очень старая женщина. Она настолько была стара, что даже тот первый садовник, который посадил первое дерево на земле, был гораздо моложе ее. И хотя она, можно сказать, была совсем древней, но не охала, не жаловалась, и даже если ее обижали, — а кого из нас не обижали? — никогда, никогда не думала о смерти, а целый день только и делала, что мыла, скребла, чистила, стирала, готовила, шила, и все у нее блестело и сверкало так же, как блестит и сверкает все у молодой женщины, которая всего два дня как вышла замуж.

Но случилось так, что вездесущая Смерть все-таки вспомнила о старой женщине. Подошла к ее домику и начала громко стучать в ворота. А старушка в то время, конечно, стирала, и, конечно, ей было совсем некогда. Ведь ей нужно было выполоскать белье, затем выжать, затем высушить, а затем уже выгладить и сложить в комод. И даже если бы она очень спешила, она все равно не успела бы справиться со всей этой работой до утра.

Женщина подбежала к воротам, открыла их и, увидев Смерть, сказала деловито:

— Уж сегодня-то я никак не ждала тебя, дорогая! Если тебе так хочется, приходи-ка, милая, завтра.

— Ну что ж, хорошо. Приду завтра, — согласилась Смерть и тут же написала на воротах: «Завтра».

На следующий день с утра пораньше явилась Смерть к женщине. А та как раз начала картошку чистить, чтобы потушить ее с бараниной.

— Настырная ты, подружка! — вскричала женщина, увидев Смерть. — И к тому же нетерпелива. Ты только взгляни, что написано на воротах. Видишь: «Завтра»?! А сегодня пока и есть сегодня.

— Ладно, — мрачно произнесла Смерть.

Явилась на следующее утро, а старушка уже с тяпкой в огороде возится так, что сорняки в разные стороны летят.

— Это ты, что ли? — сказала она, даже не оглянувшись на Смерть.

— Я, — призналась та.

— Ну так и приходи, когда положено. Иди и прочитай, что сама написала.

Много дней ходила Смерть к женщине и много раз читала собственноручно сделанную надпись, пока окончательно не потеряла терпение.

— Ты вот что, — сказала она однажды женщине, — хватит крутить да вертеть. Завтра я приду в последний раз. Запомни — в последний! А сейчас я сотру, что написала на твоих воротах.

Старушке, надо сказать, стало не до смеха, хотя и любила она посмеяться. Ей было настолько не до смеха, что бросила она все свои бесчисленные занятия, села и стала думать. И день думала, и вечер, да и ночка та выдалась бессонной. И только к утру придумала.

«Спрячусь-ка я в бочку с вересковым медом! — решила она. — Запах вереска заглушит все другие, и Смерть не унюхает меня. И тем более не увидит».

Она залезла в бочку с вересковым медом и выставила из меда только нос, чтобы дышать, да глаза, чтобы видеть. Но поняла женщина, что уж очень бочка заметная. Да еще полголовы из нее торчит.

— Надо в другом месте спрятаться, — сказала она вслух. — Может, в перине. Там пух гусиный. Много его. А я такая маленькая, что, может, и не приметит меня Смерть.

Залезла она в перину. В нос гусиные перья лезут. Чихать хочется. Старушка и чихнула раз пять. Невмоготу ей стало, вылезла она из перины, чтобы в другое место спрятаться, в колодец, что ли, а тут как раз и вошла в дом Смерть. Вошла она и стала внимательно оглядываться: что же это такое — такая работящая старушка, с утра всегда на ногах, а сейчас и не видно ее. Смерть внимательно оглядела двор, огород, затем

вошла в комнату и видит: стоит нечто страшное-страшное, все утыканное перышками, все покрытое пухом, да еще что-то густое стекает с перышек, что-то гулко капает на пол, и раздается в комнате жуткий звук, похожий то ли на чиханье, то ли на рыдание.

Нет! Конечно, это не птица! И конечно, не зверь! И не человек даже! А это такое создание, которого в пору и Смерти бояться. И Смерть настолько напугалась, что чуть не упала в обморок, чуть не потеряла сознание, чуть сама не умерла со страху, и чтобы действительно не умереть, она как стояла, так пятками вперед и побежала, закрывшись смертельно бледными руками.

А старушку недавно я видел. Жива, значит. И сил полна, если судить по тому, как бойко она торговалась на рынке, покупая всего-навсего леденец на палочке. Здесь, в Доннейбруке, и повстречался с ней.

ОСЕЛ ИЗ ДОНГУРНИ

А не слышали вы той печальной молвы,
как закончились сладкие дни
сероухой скотины, смешной животины,
что Джек Бэрри держал в Донгурни?

Как-то раз на заре пел петух во дворе,
и Джек Бэрри проснулся, зевая,
выгнал Нэдда-осла в луг, где травка росла
и звенела струя ключевая.

А потом вечерком он покинул свой дом,
девять деток и Пэгги, их мать,
что варила картошку, ворча понемножку,
и отправился Нэдда искать.

На полях, среди скал, Джек скотину искал,
но упрямца нигде не видал он.
И воскликнул он: «Ох! Покарал меня бог!»
И прекрасная Пэгги рыдала.

Мы промеряли Клойн, мы обшарили Бойн *,
вдоль железной дороги прошли:
может, брел он по шпалам и под поезд попал он?
Но осла мы нигде не нашли.

Проходил день за днем, мы забыли о нем.
Но округу молва облетела:

---

* Реки в Северной Ирландии.

«Возле церкви, в пыли, чье-то тело нашли,
чье-то полностью мертвое тело!»

Все сбежались туда и узрели тогда —
той картины печальнее нет:
на церковных ступенях стоял на коленях
мертвый ослик по имени Нэдд.

Хоть священник за год по шесть сотен гребет,
храм пустует, зарос паутиной.
А нашлось существо восхвалить божество,
так и то оказалось скотиной!..

КАК ЖЕНИЛСЯ ТОМ БОЛЬШОЙ ПАЛЕЦ

Жила как-то очень порядочная и добрая женщина. Конечно, не одна жила, а с сыном. Это был мальчик с большими способностями к озорству. И с первого взгляда ничем не отличался от других таких же озорников в Инискилне. Но если присмотреться к нему повнимательнее, то невольно начнешь удивляться про себя. Ведь ростом-то он был ну как самый большой пальчик самого маленького ребенка. Вот потому и звали его — Том Большой Палец.

Говорят, что нет на свете вечных детей. В конце концов из них получаются сначала юноши и девушки, потом мужчины и женщины, потом старики и старухи... даже из ростка вырастает дерево, а из ягненка — овца или баран.

И Том не всю жизнь оставался мальчиком. Превратился он в красивого и стройного юношу. Честно говоря, ростом он не вышел. Так и остался величиной с большой палец. Но мать, наперекор всему, решила, что пора Тома женить: испокон веков так поступали в славном Инискилне. Женились, растили детей, затем нянчили внуков...

И вот выехали они на поиски невесты. Не то чтобы ехали в шикарной карете, но все же повозка их не так уж и походила на простую телегу. Вначале посмотрели они девушек в окрестностях, чтобы не попусту гонять лошадь. Затем уж решили ехать в ближайшее королевство, где, как сказали им, жила принцесса, которой давно пора было выйти замуж, но как-то ей все не удавалось. И не то чтобы она была уродливой какой-нибудь или — боже сохрани! — старой. А вот

так получилось. И причина была тому, но о ней после, сейчас же немного расскажем о первых часах славного путешествия.

Если вы уверены, что каждый юноша — это серьезный и самостоятельный человек, то лучше вам и не читать дальше эту историю. Мне-то лично кажется, что, наоборот, юноши, хотя у некоторых даже усы в наличии, очень уж любят попроказничать и серьезность их — одна видимость. Да вот и за примером недалеко ходить.

Еще в Инискилне, когда запрягали лошадь, Том неожиданно исчез.

Его бедная добрая мать с ног сбилась, но нигде не могла найти сына. Отчаявшись, она села на порог дома и заплакала. И тут послышался слабый голосочек:

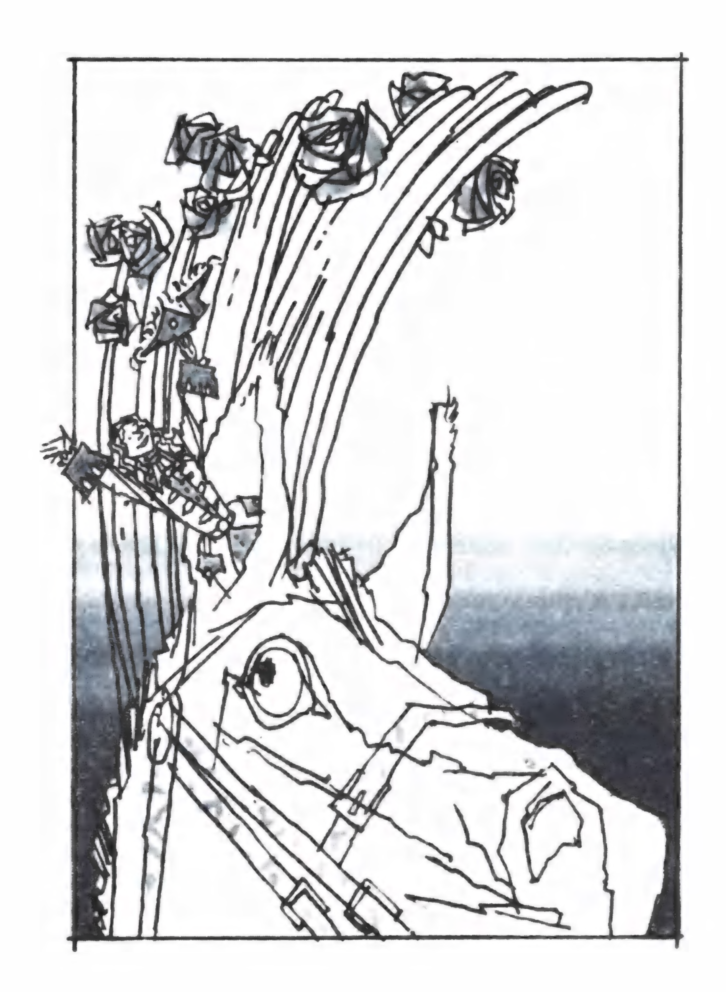
— Ку-ку, ку-ку! Мамочка, я здесь!

Несчастная женщина пошла туда, откуда слышался голос, и где вы думаете нашла она Тома? Вот именно, в гриве лошади, куда запрятался будущий отец семейства.

Мать вытащила его оттуда и хотела было выпороть, но раздумала: как-никак жених!

И надо ж такому случиться, что лишь отъехали они от дома, как Том опять исчез. Мать теперь не стала плакать, зато так громко ругала своего непутевого сына, так кричала, что в Инискилне подумали было, а не высадились ли в Ирландии племена с далеких океанских островов?

Наконец устав от собственного крика, мать села на придорожный камень и, как только села, услышала, что кто-то хихикает.

— Ку-ку, ку-ку! Мамочка, а я ведь здесь.

Женщина пошла туда, откуда слышалось хихиканье. Том на этот раз залез в ухо лошади, и та испуганно водила головой из стороны в сторону и прядала ушами. Мать, конечно, вытащила сына из уха и в сердцах сказала:

— Скорей бы нашлась такая дурочка, что спасет меня от тебя!

Но не успела она поставить Тома на повозку, как тот мгновенно исчез. Но мать не стала искать его. Она хлестнула лошадь и, уютно устроившись в повозке, поехала в соседнее королевство. Не выдержал на этот раз сам Том:

— Ку-ку, ку-ку! Мамочка, вот он я! — закричал он, спрятавшись в ноздри лошади.

Но и лошадь тоже не стерпела. Она чихнула. И Том, описав весьма красивую дугу, весьма некрасиво шлепнулся в дорожную грязь. Цел-то он цел остался, да и что с ним могло сделаться? Но добрая мать его тоже ведь потеряла терпение. Она ловко вытащила его из грязи и сунула в мешок, а мешок завязала.

Только таким образом и можно было усмирить проказливого жениха.

До соседнего королевства добрались они теперь без происшествий. А там рукой подать и до королевского дворца. И увидели они принцессу.

Если вы представляете, что такое гора, то поставьте на эту гору еще десяток таких же и тогда поймете, какого роста была принцесса. Может, такая громадность и была причиной ее неудач с женихами.

Том, которого мать вытащила из мешка, но на всякий случай крепко держала за руку, как только увидел принцессу, так и закричал:

— Мамочка, ты только взгляни! Какая большая и какая красивая!

Принцесса же, в свою очередь, разглядев крошечного Тома, воскликнула:

— Папочка и мамочка, посмотрите только! Какой маленький-малюсенький, какой красивый-распрекрасный!

Ну раз жениху нравится невеста, а невесте жених, то дело лишь за свадьбой. И ее решили не откладывать. Устроили пир так пир. В центре праздничного стола посадили жениха и невесту, рядом уселись родные, а затем и все гости: их, надо сказать, поднабралось порядочно.

Том, из-за своего роста, никак не мог дотянуться не только до тарелки, но даже до края стола. И невеста, увидев такое, нежно взяла его двумя своими пальчиками и осторожно поставила на стол рядом с тарелкой, чтобы не дай бог не умер бы жених с голоду на своей собственной свадьбе. Том набросился на овсяный суп, на тушеную картошку с бараньей лопаткой, ибо по-настоящему проголодался за долгое путешествие. А затем внесли громадный торт. Том не стал долго раздумывать, а смело двинулся вперед и вскоре, уверенно помогая себе вилкой и ножом, взобрался на самую вершину королевского торта. Там же, наверху представилась ему дивная картина: прямо у ног его лежало целое море сбитых сливок, по которому словно корабли под алыми парусами важно плыли огромные клубничины. И Том, удобно устроившись,

решил выпить это море и уничтожить корабли, то есть просто-напросто съесть прекрасно пахнущие ягоды.

Принцесса, та сразу увидела сбитые сливки с клубникой. Какая девушка может отказаться от такого яства, тем более на своей собственной свадьбе? И принцесса, взяв соответствующую ее росту ложку, зачерпнула сливок. А день был солнечный и сливки ослепительно сверкали, так что ничего нет в том удивительного, что принцесса, не заметив, зацепила ложкой и Тома. Ого-го была ложечка! И Том утонул в ней.

Но кажется, что это просто шутка. Может, что-то и случилось подобное, но Том остался жив. Иначе откуда пошла фамилия Томбигфингасанадотаз, что значит Сыновьядочеритомабольшогопальца.

* * *

Ну а если вас пригласят к праздничному столу и вам будет нужно произнести тост, не теряйтесь — говорите прямо по-ирландски:

Slan agus seaghal agat — **Слан агус сеагхал агат;**
Bean ar do mhein agat — **Беан ар до мхейн агат;**
Talamh gon chios agat — **Таламх гон чиос агат;**
Agus bas in Eirenn — **Агус бас ин Айрин.**

По-русски это звучит так: Счастья и здоровья вам, крепкой любви, свободной земли и покоя в Ирландии.

МОЯ МАЛЕНЬКАЯ ХИЖИНА

Моя хижина в Туим Инбер
ранним утром в сверкающем нимбе,
поздним вечером, под луной,
убаюкана тишиной.

Дом из леса отборного сложен
и забором не огорожен.
Погляди за окошко, друг,
и весь мир ты увидишь вокруг.

МАЛЕНЬКАЯ КРОШЕЧНАЯ ЖЕНЩИНА

Жила-была в маленькой крошечной деревушке в маленьком крошечном домике малюсенькая крошечная женщина. И вот однажды малюсенькая крошечная женщина повязала на свою маленькую крошечную головку маленький крошечный платочек и отправилась на маленькую коротенькую прогулочку. Она шла по маленькой узенькой тропиночке до тех пор, пока не пришла к маленьким крошечным воротикам. Малюсенькая крошечная женщина открыла маленькие крошечные воротики и вышла в маленькое крошечное поле. И как только малюсенькая крошечная женщина вышла в маленькое крошечное поле, увидела она совсем недалеко от маленьких крошечных воротиков маленькую крошечную косточку. Малюсенькая крошечная женщина немножко-немножечко подумала и затем сказала сама себе:

— Из этой маленькой крошечной косточки я могу сварить немного, немножко, немножечко супчика для крошечного-крошечного обедика.

И малюсенькая крошечная женщина положила маленькую крошечную косточку в маленький крошечный карманчик своего маленького крошечного пальто и зашагала немного, немножко, немножечко быстрее к своему маленькому крошечному домику.

Вернувшись в свой маленький крошечный домик, малюсенькая крошечная женщина почувствовала, что немного, немножко, немножечко устала и, положив маленькую крошечную косточку на маленькую крошечную полочку, малюсенькая крошечная женщина легла в маленькую крошечную кроватку. Но

едва она немного, немножко, немножечко уснула, как с маленького крошечного порога-порожка раздался слабенький тоненький голосочек:

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЮ МАЛЕНЬКУЮ КРОШЕЧНУЮ КОСТОЧКУ!

Малюсенькая крошечная женщина немного, немножко, немножечко удивилась и спрятала свою маленькую крошечную головку под маленькое крошечное одеяльце и уснула. Но едва она немного, немножко, немножечко заснула, как с маленького крошечного порожка раздался слабенький тоненький голосочек, который был уже немного, немножко, немножечко посильнее:

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЮ МАЛЕНЬКУЮ КРОШЕЧНУЮ КОСТОЧКУ!

Малюсенькая крошечная женщина удивилась немного, немножко, немножечко сильнее, чем в первый раз, и спрятала свою маленькую крошечную головку немного, немножко, немножечко подальше под маленькое крошечное одеяльце и уснула. Но едва малюсенькая крошечная женщина успела немного, немножко, немножечко поспать, как с маленького крошечного порожка раздался слабенький тоненький голосочек, который немного, немножко, немножечко был посильнее, чем во второй раз:

— ОТДАЙТЕ МНЕ МОЮ МАЛЕНЬКУЮ КРОШЕЧНУЮ КОСТОЧКУ!

Маленькая крошечная женщина удивилась еще немного, немножко, немножечко больше и, высунув свою маленькую крошечную головку из-под малень-

кого крошечного одеяльца, закричала со всей своей маленькой крошечной силой:

— ТВОЯ МАЛЕНЬКАЯ КРОШЕЧНАЯ КОСТОЧКА ЛЕЖИТ НА МАЛЕНЬКОЙ ПОЛОЧКЕ, ИДИ И ВОЗЬМИ ЕЕ САМА!

УМИРАЛ НЕСЧАСТНЫЙ МАКГИННЕС...

Видно, пришла пора и ему покинуть этот свет. И вроде мирно бы умер, если бы не жена.

— Ты вот умираешь, — причитала она, — а не говоришь, кто тебе должен и кому ты? Или ты хочешь оставить нас в бедности, или хочешь опозорить.

Еле дыша, несчастный прошептал:

— Тим должен мне сорок фунтов...

— Очень хорошо! — воскликнула жена.

— О'Нейл должен также двадцать фунтов, — шептал умирающий.

— Прекрасно! — радовалась жена. — Сохрани такую же ясность ума до конца, милый!

— Майклу я должен двести фунтов... — выдохнул Макгиннес.

— О боже! — заломила руки женщина. — Мой муж начал бредить!

А КСТАТИ, ЧТО ЭТО?

Стара как мир, но не старше месяца.
Молодцы! Правильно: луна.

Это ж угадать пустяк.
Мэг Гратхай, Мэг Гратхай, лает и рычит, без костей, без шкуры, без ног, без рук, этот старый друг.
Вы догадались? Правильно: водопад.

Это-то уж вы видели наверняка.
Без языка, а заслушаешься.
Правильно: книга, но, возможно, и письмо, если интересное.

А вот так говорят ирландцы о тумане: «Дым без огня». А вы думаете, наверно, что не бывает дыма без огня.

И внутри оно, и снаружи оно, а нести легко... имя свое.

И даешь, и держишь, если ты, человек серьезный... слово свое.

А вот попробуй разбей-ка склянку в пустом мешке!

Самое лучшее орудие для борьбы с прекраснейшим и вкуснейшим тортом только твои зубы. Так береги их!

Нет на свете чернее, пакостнее и длиннее... лжи.

Как ты думаешь, что белее самого белого снега? Точно: день.

Никогда не догадаешься, с чем можно сравнить половину луны и что на свете точь-в-точь как она. А ведь это очень просто. Должна же существовать и вторая половина луны.

Вот многие ученые думали, где же центр Земли. А ты задумывался над этим? Я, к примеру, считаю, что он прямо под моими ногами.

Ты ведь наблюдательный. Так скажи мне, почему же все-таки кошка ходит по верху забора. Только не говори, что под забором невозможно ходить.

Вот бьюсь я над такой задачей: почему я тебе отец, а ты мне не сын?
Так я же твоя дочка!

А сколько будет гусей, если одного поставить между двумя другими?

А сколько деревьев нужно, чтобы достать до луны? Если хорошо будет расти, то одного достаточно.

А почему носильщики носят вещи или даже возят? Вещи же сами не ходят!

Вот примерчик так примерчик. Яму можно вырыть за десять часов.
А сколько потребуется времени, чтобы вырыть пол-ямы?
Не может быть пол-ямы.

БЛАГОСЛОВЕННАЯ КАРТОШКА

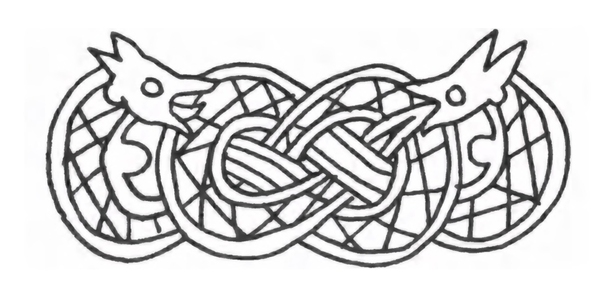
Сытость и тучность нам дарят чудесные клубни,
те, что родимой землей взращены.
Вот почему не найдете вы в целой подлунной
парня сильнее, чем парень из нашей страны.

Любят повсюду от Африки и до Канады
масло и рыбу, говядину или гуся.
Нам ничего, кроме милой картошки, не надо:
в ней наша радость и в ней наша трапеза вся.

Сладостный корень — в нем целая жизнь человека.
Кэбботу *-дурню того никогда не понять.
Варят ирландцы картошку от века до века:
деды варили и внуки наварят опять.

---

* Один из деятелей церкви, воевавший против внедрения картофеля в Ирландии.

А знаете ли вы, что в 1765 году новгородский губернатор Сиверс прислал рапорт императрице Екатерине II, в котором указывал, что для того чтобы завести в России «земляные яблоки», надо их выписать прямо из Ирландии. Екатерина II приказала на выписку картофеля употребить до 500 рублей. Медицинская коллегия издала наставление, как разводить и употреблять картофель; наставление это оканчивается так: «По толь великой пользе сих яблок и что они при разводе весьма мало труда требуют, а оный непомерно награждают и не токмо людям к приятной и здоровой пище, но и к корму всякой домашней животине служат, должно их почесть за лучший в домостройстве овощ...»

ДЛИННАЯ ЛОЖКА

Было как-то , что встретились черт и сборщик налогов. Подходящая, надо признаться, встреча. Но дело не в этом, а в том, что поспорили они: кто из них к вечеру станет богаче. Поставили условие: брать только то, что предлагают от самого чистого сердца.

И вот идут они по деревне Бантри (а именно там все и случилось) от дома к дому. Дом видят и хозяйку. А главное, не только видят, а слышат, как кричит она на свою дочку:

— И в кого ты такая ленивая, забери тебя м у ш а! Ты собираешься сегодня вставать, негодница?!

Черт даже подпрыгнул при слове «муша». Это ведь упоминали именно его. Сборщик криво улыбнулся и сказал:

— Видишь, Ник, вот тебе и первый подарочек.

— Ну уж нет, — не согласился тот. — Не от чистого сердца помянули меня.

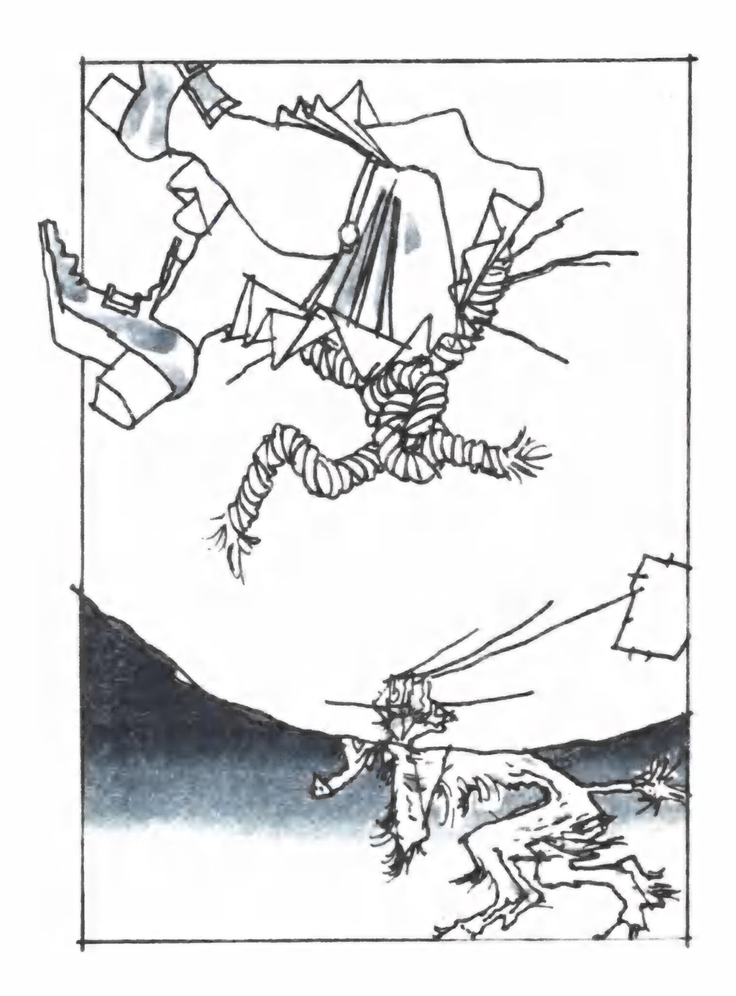
Пошли дальше. Опять крик слышат. Это уже хозяйка следующего дома свой нрав показывает.

— О проклятие! — выкрикивает она. — Что мне за муженек попался! Если ты не починишь забор, то свиньи — дьявол их забери! — всю картошку в огороде выроют!

— Везет тебе, Ник, — заметил сборщик.

Но старый плут лишь покачал рогами да махнул хвостом.

Так они обошли всю деревню. И много раз предлагали черту самые разнообразные вещи, но всякий раз отказывался он. Потому что не было в тех предложениях настоящей искренности.

Наступал вечер. Солнце зависло прямо над гребнем гор Кулиаха, готовое вот-вот исчезнуть за ними, как повстречалась им бедная женщина.

— Ох, опять этот проклятый сборщик идет! Черт бы его побрал!

— Вот и добыча, — обрадовался Ник.

— Нет, нет, — запротестовал сборщик, — это она так, просто так сказала...

— А по мне, так от самого чистого сердца, от всех его частиц и частичек были ее слова, — говорил черт, засовывая чернильную душу в свой обширный мешок.

С тех пор в Бантри еще могли повстречать дьявола, но вот уж сборщика никто не видел. Недаром говорят: если садишься есть с дьяволом, запасись самой длинной ложкой.

ОН БУДЕТ ЖДАТЬ?

Пошли О'Брайн и О'Нейл, два закадычных друга из Лиффорда, на охоту. И, что иногда бывает, увидели они рябчика, который преспокойно сидел на суку.

О'Брайн тут же вскинул ружье и прицелился.

— Подожди, друг, не стреляй! — воскликнул О'Нейл. — Ружье-то не заряжено!

— А это все равно, — ответил бравый О'Брайн, спуская курок. — Ты, наверное, вообразил, что этот славный рябчик будет ждать, когда я заряжу ружье?

* * *

В нашем Килларни славят святых и дев.
Здесь о каждом готовы сложить припев.

Но лишь то, о чем поведу разговор,
не воспето поэтами до сих пор.

А причина простая — по всей земле
эта вещь не нуждается в похвале.

И как только ты познакомишься с ней,
поклянешься, что нет ничего вкусней,

Что же это? Известный всем испокон,
покоривший весь мир шандрумский бекон.

САМАЯ БОЛЬШАЯ НОГА

Как-то в городе Боливорни, самом красивом городе Ирландии, жил-был портной. Это был удивительный портной. Во-первых, он был удивительным потому, что шил такие сюртуки и платья, что даже в не менее прекрасном городе Париже удивлялись. А во-вторых, он был удивительным потому, что никогда не брал денег за свою работу. Брал же только молоко и хлеб. Почему-то очень он любил теплый свежий хлеб запивать холодным, но тоже свежим молоком. В-третьих, был тот портной удивительным потому, что у него были самые большие ноги во всей Ирландии. Таких ног, как у него, было всего две. И хотя имя портного было Таг, все звали его Таг Большая Нога.

И вот как-то он пришел в один дом и стал шить.

Сидел за столом, и одна его нога торчала из-под стола. Никто бы и не поверил, что она может принадлежать обычному смертному.

Хозяйка, сидевшая возле камина, увидала эту ужасно большую ногу и сказала:

— Клянусь всем святым для меня на свете, но такой большой ноги, как эта, нет не только в Ирландии, но и во всем мире.

— А вот я скажу, — ответил Таг Большая Нога, — что есть и побольше. Да к тому же в этом доме.

Нечего скрывать, тем более что об этом знали многие, что у хозяйки были довольно крупные ноги, и, конечно, она подумала, что Таг Большая Нога намекает на нее. Покраснела она и крикнула:

— Ну уж нет! Другой такой большой ноги, как ваша, любезный Таг, в этом доме не найдешь!

— Хорошо, — сказал спокойно Таг. — Давайте поспорим, и я вам, любезная хозяюшка, докажу это.

— С удовольствием, милый Таг, — не очень-то уверенно согласилась хозяйка. — На что?

— На два горшка холодного свежего молока и на два каравая свежего тепленького хлебца! — воскликнул Таг, причмокивая губами от одного только воспоминания о своем любимом лакомстве.

— Согласна, — прошептала хозяйка, краснея еще сильнее.

В это время Таг вытянул из-под стола вторую свою ногу и, торжествуя победу, проговорил:

— А ну-ка, посмотрите, милая хозяюшка, которая из них больше: правая или левая?

— Конечно, левая! — радостно засмеялась хозяйка, хотя, откровенно говоря, совсем не разбиралась, где лево, где право.

— Тогда тащите молоко и хлеб! — восторжествовал в свою очередь Таг. — Я что-то проголодался.

Хозяйка быстро принесла ему холодного молока и свежего теплого еще хлеба и даже бутылку джина.

Но в-четвертых, Таг Большая Нога был удивительным потому, что никогда не пил вина.

О ЛИНЕ ИЗ СКУАБА

Надо же такому было приключиться, что выбрали бедняка Лина мэром, по-нашему, старостой, в родной ему деревне Скуаб. То, что выбрали, не беда. Только вот дали в его пользование двух лошадей. Хотя собственных лошадей у Лина сроду не бывало, и он, честно говоря, не знал, как и подступиться к ним, это тоже не беда. Ну еще золотую цепь, знак власти, на шею ему повесили. Что Лин! Его прадеды золота в руках не держали, не то что он сам. Но и это опять же не беда. Вот зачем ему шляпу на голову надели?! Как будто он господин какой! Как будто джентльмен из английской столицы Лондон!

Надел шляпу Лин, подошел к зеркалу и самого себя не признал. Задумался глубоко. Идет он вот так по деревне Скуаб. Рядом лошади топают. Золотая цепь на груди позванивает. Солнечные блики на шляпе играют.

Навстречу ему жена.

— Ох, муженек!— говорит.— Настоящий франт! Вот так да Лин мой!

— Отойди прочь, старуха! — мрачно проговорил Лин. — Оно может и так, что я твой муж, но не уверен, что ты меня знаешь. Я и сам не знаю, кто я!

* * *

Поистине: все красное — красиво, новое — бело́, высоко лежащее — желанно, все привычное — горько, все недостающее — превосходно, все изведанное — презренно, все мудрецы живут не рядом с нами, — в этом вся наша мудрость.

ПОЛЕЗНЫЙ ПОРОК

Лгать, говорят, плохо. Если по-честному, то я против всякой лжи, но ведь иногда и не поймешь: то ли это ложь, то ли просто выдумка? И полезно это или нет? Да вот послушайте.

В Ладан Вэлли жил фермер. Не то чтобы богатый, но и не бедный. Короче, в одиночку он со своим хозяйством не мог справиться. Потому нанимал батраков. И вот попался ему один батрак, молодой и веселый парень. Семья его обеднела, и пришлось ему идти работать к чужим людям.

Копают они однажды картошку в поле. Вдруг хозяин вытаскивает огромную картофелину и показывает батраку.

— Смотри, какая большая! Я таких еще и не видывал! А ты?

— Я? Да случалось и покрупнее видеть... Помню, как-то уродилось у нас дома много картошки. Так что мы не успевали ее убирать. Отец тогда стал собирать

сгнившую картошку и бросать в яму, которую специально вырыл для этого. А на следующее лето из ямы вдруг появился росток, и рос он так быстро, что к концу лета превратился в настоящее дерево. Картофельное. В октябре, когда наступила пора уборки картошки, отец пошел к яме и увидел, что ее заполняет целиком одна картофелина да такой величины, что мы всей семьей не могли ее вытащить. Пришлось распилить на четыре части. И то с трудом справились!

— Да-а! — удивился хозяин. — Это и в самом деле была картофелина!

После того как убрали картошку с поля, наступила пора снимать урожай капусты. Срезают хозяин с батраком кочаны, вдруг хозяин кричит:

— Смотри, какой кочан! Такого огромного я еще и не видывал! А ты?

Улыбнулся молодой работник.

А мне приходилось. Помню, выдался тот год особенно урожайный на капусту. Четыре вола день и ночь вывозили ее с поля. И попался кочан так кочан. Как раз пошел дождь, помню. Так мы с отцом и четыре вола спрятались под одним листом. А потом, когда дождь кончился и отец потряс этот капустный лист, такой поток воды устремился с него, что в нем утонул один из наших волов.

— Да-а! — задумчиво сказал хозяин. — Тот кочан, наверное, был побольше этого.

Убрали хозяин и работник картошку и капусту. Пришла пора сыры делать. И вот однажды зовет хозяин батрака в сыроварню.

— Посмотри, — говорит, — на этот сыр. Какой большой получился! Таких я и не видал. А ты?

— Врать не буду, доводилось видеть и побольше, — засмеявшись, ответил работник. — Помню в тот год коровы моего отца давали так много молока, что девать его было просто некуда. Отец вырыл яму в поле и стал сливать молоко туда, надеясь, что получится неплохой сыр. А у нас был жеребенок. Очень резвый.Так вот бегал он бегал по полю да и провалился в яму с созревающим сыром. Больше мы его и не видели. Мы-то, конечно, не знали, что он в яму провалился. Думали — украли его. Но вот прошло восемь месяцев. Пошел отец к яме проверить, какой сыр получился, а из ямы выскакивает красивый белый конь.

— Да-а! — протянул хозяин. — Вот это сырок!

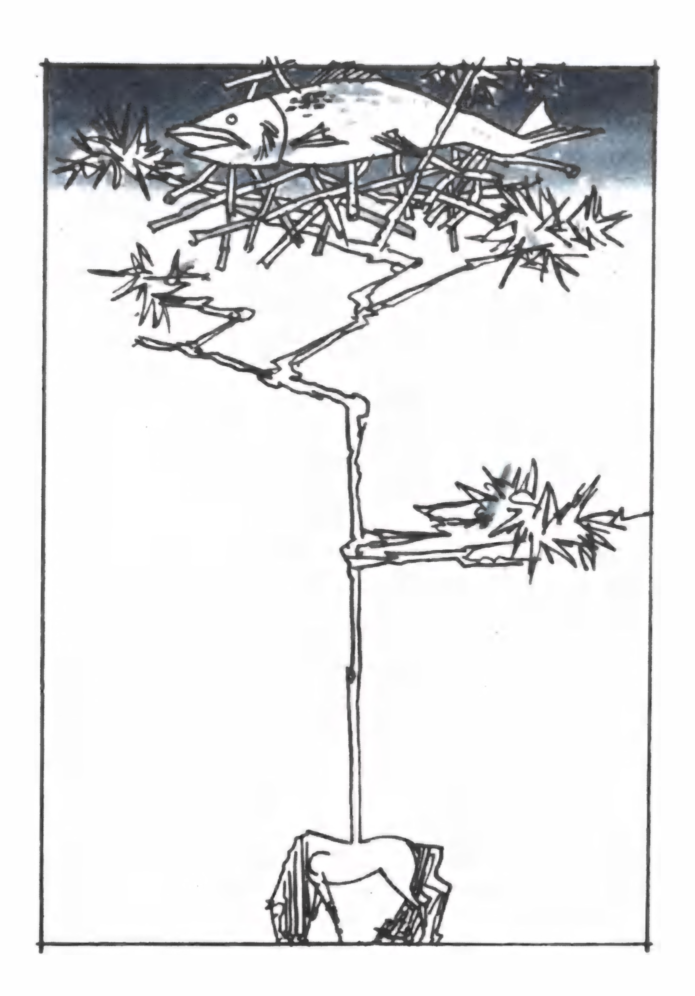
Наступила зима. И как-то вечером входит в дом расстроенный хозяин и говорит:

— Случилось большое несчастье. Ложно обвинили моего брата. И его должны казнить. Если кто спасет его, то отдам тому все, что могу.

— Хозяин, давай я попытаюсь спасти твоего брата, сказал батрак. Я выйду завтра перед толпой, которая соберется к месту казни, и расскажу одну историю. Если кто-либо из толпы обзовет меня при этом вруном, тот и будет настоящим виновником. Вы только договоритесь с судьей, и люди пусть знают об этом условии.

На следующий день батрак взошел на помост, к которому уже вели обвиненного, и начал свой рассказ:

— Когда умирал мой отец, он разделил имущество между мной и моим братом. Досталось мне девять акров земли, кафтан, сапоги и немного денег, на которые я сразу же купил лошадь. На ней я вспахал

землю, но вдруг оказалось, что нет у меня семян, чтобы засеять ее. Пришлось ехать в Англию за ними. Сел я на лошадь, доехал до берега. Лошадь вошла в море и поплыла в сторону Англии. Там я купил восемь мешков зерна и таким же путем вернулся к себе. Но на берегу случилось несчастье: моя лошадь настолько устала, что стала тонуть в прибрежном песке. А сверху на нее давили еще восемь тяжеленных мешков. Так что сломался у нее хребет. Пришлось побежать в ближайший лес, сломать ветвь и вставить ее вместо хребта. Так мы и доехали до дома. Здесь я отпустил лошадь. Потом засеял поле. Урожай выдался на славу. Денег у меня не было, чтобы нанять работника. Потому стал жать сам. Вдруг вижу: заяц бежит. Бросил я серп в него, а рукоятка серпа застряла меж заячьих ушей. Тогда побежал я за зайцем: все-таки серп-то надо было отобрать. Бегал я за ним бегал, оглянулся — а все поле сжато. Вот так заяц мне и помог. Собрал урожай, а надо обмолотить зерно. Вспомнил я тут о лошади. Может, думаю, жива, так до мельницы хоть довезет. Стал искать ее. Нашел в лесу. Стоит она там, а из спины громадное дерево растет. Ну влез я на лошадь, потом на дерево. А на вершине смотрю — лосось гнездо свил...

— Неправда! — вдруг кто-то закричал из толпы. — Как рыбак, утверждаю, что лосось гнезд на деревьях не вьет!

Тут и схватили того человека, а брата хозяина отпустили. Отблагодарил хозяин работника. Так что теперь живет тот парень у себя дома и даже подумывает, не жениться ли, чтобы было кому рассказывать.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЗА ПЯТЬ ПЕНСОВ

В тот день безработному О'Брайну было и вовсе не до смеха. В кармане позвякивали последние пять пенсов, а голод, как говорят, не тетка, блинами не угостит. Есть хотелось так, что даже голова кружилась. Но что купишь на пять пенсов?

О'Брайн, сам не зная почему, ходил от одной закусочной к другой и жадно принюхивался к аппетитным запахам. И когда он подошел к ресторану «Палас», что означает дворец, который благоухал на всю улицу только что поджаренными бифштексами, О'Брайн не стерпел и зашел туда. Сам хозяин встретил его.

— Что прикажете? — склонился хозяин.

— Да пока ничего... — задумался О'Брайн. — Зашел спросить, сколько у вас сегодня бифштексов?

— Сколько вам будет угодно, — ответил хозяин. — Только почему вы...

— Видите ли, — перебил его О'Брайн. — Я чемпион по бифштексам. Могу съесть бесконечное их число. Но как-то не нашел я еще такого ресторана, где мог бы показать настоящую свою мощь. Бедноваты стали нынче запасы у хозяев.

Только не у меня! — возразил владелец «Паласа». — Могу поспорить на что угодно!

— Ловлю на слове, — сказал О'Брайн. — Чтобы вас не обидеть, а я знаю, что вы проспорите, давайте поспорим ну хотя бы на пять пенсов, что я мгновенно опустошу ваши запасы мяса.

— Согласен, — воскликнул разгоряченный хозяин, не обратив внимания на названную сумму.

— Тогда несите ваши бифштексы! — воскликнул в свою очередь О'Брайн, удобно устраиваясь за столиком.

Первые шесть бифштексов О'Брайн, голодавший уже много дней, проглотил мгновенно. Седьмой, восьмой и девятый он уже прожевывал. На десятом почувствовал, что больше не лезет.

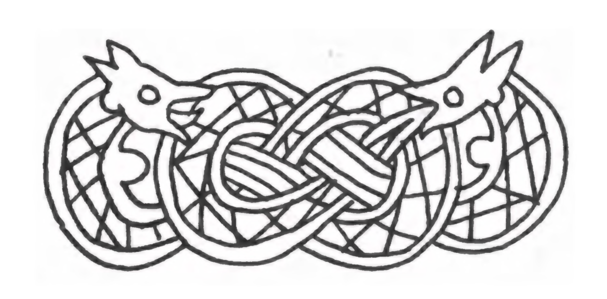
— Все! — просто сказал он.

— Как все! — изумился хозяин. — Ах ты хвастун этакий!

— Все, — повторил О'Брайн. — И как мы договорились, вот ваши пять пенсов. Что там говорить, вы оказались правы.

И, выложив пять пенсов, О'Брайн спокойно покинул ресторан «Палас».

Часто бывает так, что люди, которые от вас живут буквально в двух шагах и с которыми вы здороваетесь по пять раз на дню, вдруг оказываются сказочными героями. Тут, надо сказать, многое зависит от того, каков он, этот человек.

Вот возьмем, к примеру, Рэфтери.

То, что он ходил по Ирландии в семнадцатом веке и играл на скрипке, — это факт. То есть действительно жил такой поэт и музыкант. И многие его знали.

Или тот же Даниел О'Коннел, знаменитый юрист, добившийся равноправия католиков в Ирландии и умерший в 1846 году, — разве о нем забыли? Правда, кое-кто забыл о самом равноправии и вовсю насаждает в том же Ольстере свою религию, не стесняясь применять самые жестокие методы.

В общем, многие сказки, баллады, песни, шутки зачастую касаются самых настоящих людей, умерших или живых.

РЭФТЕРИ ВСЕГДА С НАМИ

Да, Рэфтери был воистину замечательным поэтом, прекраснейшим скрипачом и первейшим человеком среди поэтов и музыкантов.

Да, когда он брал скрипку и начинал играть, то казалось, что сам ветер играет на ней, что само море поет, что лес, горы, луга и вся земля с ее озерами и реками, с небом над ней, с весенней песнью жаворонка и свистом певчего дрозда, с шепотом вересковых зарослей участвуют в звонком гимне любви и жизни.

Потому что ничто так не ценил Рэфтери, как любовь и жизнь. Вот почему звуки его скрипки, мудрость его стихов затрагивали самые сокровеннейшие уголки человеческого сердца.

Да, Рэфтери был, как и все мы, человеком, и когда пришла пора, он умер. Но вот только умер ли он? Ведь поистине не был он обыкновенным человеком. И вполне возможно, что ходит он где-то рядом: разве не слышим мы порою дивную музыку или прекрасные стихи?

Вспомним хотя бы тот случай с Динни Макдермотом, который несмотря ни на что женился на красавице Мэри, хотя та, честно говоря, в приданое принесла лишь свои удивительные глаза, шелковистую косу да старенькую юбку. Нет, Динни был не тот человек, чтобы променять любовь на десяток телят или пару сундуков, что обещали ему некоторые девы, желавшие выйти за него замуж. И Мэри, с ее красотой, могла бы найти муженька и побогаче, чем этот Дин, у которого всего и было, что старая хибарка да крепкие

работящие руки. Но настоящая любовь, что там говорить, — настоящая любовь, она и есть настоящая любовь.

Так вот, вернулись после венчания Дин с Мэри в старую хибарку свою — четыре стены да крыша. Но что еще нужно любящей паре? Конечно, неплохо бы поесть и выпить вина, неплохо, чтобы рядом были друзья и царило веселье...

Но в хижине темно, а за окном стучит дождь и воет ветер.

И молодые уже готовы были уснуть, как открылась дверь, и в дом вошел человек. В руках он нес скрипку.

— Добрый вечер, уважаемые хозяева! — сказал он, присаживаясь на скамейку возле камина. — Ох и неприятная погодка сегодня! Погреюсь-ка я возле вашего огня.

— Тем более что ничего другого мы и предложить вам не можем, — признался молодой муж.

— Такого в Ирландии еще не было, чтобы гостю в промозглый вечерок не предложили бы кружку грогу! — воскликнул гость. — Но кажется мне, что у вас и лепешки не найдется, не говоря уж о бараньей лопатке!

— Зато у нас есть любовь, — чуть ли не в один голос ответили молодые. — А у вас скрипка. Разве не прекрасно это — любовь и музыка! И клянемся, что в следующий раз мы найдем чем угостить — ведь у нас еще в придачу к любви и молодые крепкие руки. А сейчас сыграйте нам, если, конечно, вас это не затруднит. Как-никак сегодня наш свадебный вечер.

— Такое в Ирландии, чтобы женились по чистой любви, в наши времена тоже не часто встретишь, — проговорил скрипач и, на мгновение задумавшись, приложил скрипку к подбородку, провел несколько раз смычком по струнам, как бы настраиваясь, и вдруг полилась прекраснейшая мелодия, в которой был слышен и шум ветра, и шелест листвы, и пение птиц, и шепот трав, и первый разговор влюбленных, и крик только что родившегося ребенка, и тяжелое дыхание крестьянина, идущего за плугом, и свист пастушечьей свирели, и зов охотничьего рога, и многое другое, что есть в этом прекрасном мире. Мелодия, заполнив дом, вырвалась за стены его и понеслась над деревней, над лугами и полями, она достигла гор и моря, она зазвучала в небе. И люди, услышав столь великолепную музыку, позабыли о жадности и зависти, о ссорах и сплетнях, о всем плохом, что портит нашу жизнь.

И как только они поняли, что эта чудная скрипка играет в доме Дина и Мэри, они устремились туда, и каждый нес какой-нибудь подарок, потому что все вдруг вспомнили, что ведь сегодня день венчания этой славной пары.

Барни О'Броган принес окорок, а Джимми О'Дой баранью лопатку. Эамон Ог притащил мешок отборной картошки, а Баках Боог сахар и чай. Что там и говорить, тетушка Колин подарила почти королевское спальное белье, а тетушка Молли и ее соседка Сорхи Руа — полотно и фланель на платья. И вообще, если всех перечислять... Надо сказать, по количеству жителей деревня не уступала неким столицам.

Короче, Дин сразу подумал, а не построить ли ему настоящий большой дом да и сарай к нему, чтобы вместить все подарки. Ну, а пир удался на славу. Скрипач то играл, то рассказывал забавные истории, то отпускал веселые шутки, то колко язвил. Нет, он поистине был украшением праздника.

Но самое удивительное произошло в конце, потому что не бывало еще в Ирландии такого, чтобы скрипач, сняв шапку, обходил с нею гостей и слушателей.

И никто почему-то не удивился этому, а сразу полез в карман за деньгами. Вскоре шапка наполнилась доверху. И старик, спрятав скрипку под куртку, незаметно вышел из дома, пока гости шумно поздравляли Дина и Мэри. Когда ж гости стали расходиться, Мэри вдруг заметила на столе шапку с деньгами.

— Он оставил свои деньги! — воскликнула она.

Сейчас я его догоню! — крикнул Дин.

Он быстро завязал шапку с деньгами в узелок и бросился было к двери, как столкнулся с запоздавшим гостем Пэтом-коробейником, входившим в дом.

— Пэт! Ты случайно не встретил старика со скрипкой? — спросил Дин.

— Да вроде видел, — ответил Пэт. — Я еще перекрестился — так сильно он напомнил покойного Рэфтери, которого я лично хоронил года два назад...

Тут Пэт открыл рот, заморгал глазами и закричал:

— Порази меня гром, если это был не Рэфтери! То-то музыка слышна была по всей округе! Кроме него, ведь так никто и не играл!

Все выскочили на улицу. Долго искали они славного старика, но он как в воду канул.

Да, это был Рэфтери, поэт и скрипач, который мог бы стать самым богатым человеком в Ирландии, а умер в драной рубашке и с тремя полупенсовиками в кармане. Потому что ценил он не богатство и почести, а Музыку и Любовь, Поэзию и Жизнь.

Но такие люди разве умирают? Я точно скажу, что Рэфтери жив. Он всегда с нами.

ОБМАНУТЫЙ ОБМАНЩИК

Жил в Кархане тот бедняк, который обременен был большой семьей и вертелся как угорь, чтобы прокормить всех своих детей да и жену заодно с ними. О нем сейчас и пойдет речь.

Откуда у него взялись поросята — честно говоря, не знаю. Но были же они. Два прекрасных и упитанных поросенка, причем один черный, другой белый. Симпатичные были поросята, но ведь кормить их тоже надо, а чем кормить, если детворе нечего есть?! Конечно, можно бы потерпеть — все-таки из них выросли бы порядочные свиньи, но не было возможности у бедняка дольше терпеть, и решил отвезти поросят на базар в соседний город. А то в Кархане подумают, что ему есть нечего.

Итак стоит он на базаре в соседнем городе, покупателя ждет.

Тут как раз и подходит к нему один человек и спрашивает:

— Сколько стоит поросенок, белый и черный?

Бедняк по наивности не придал значения, как задали ему вопрос, и простодушно ответил:

— Двенадцать шиллингов.

— Я беру их, — сказал покупатель и стал связывать двух поросят, черного и белого, чтобы отнести их домой. Связал он несчастных и подает бедняку двенадцать шиллингов.

— Что это вы даете? — возмутился бедняк. — Как-никак, а до ста считать я умею!

— Люди добрые! — завопил покупатель. — Ведь я же спросил: «Сколько стоит поросенок, белый и чер-

ный?» — и он ответил мне, что двенадцать шиллингов. И я плачу эти деньги!

Люди, конечно, поддержали покупателя. И бедняку ничего не оставалось делать, как отдать поросят. В то время слово было словом!

Обманутый с двенадцатью шиллингами в кармане вернулся в родной Кархан.

Пришел домой, отдал жене деньги, а сам жалуется, как его обвели вокруг пальца. Жена, узнав такое, конечно, побежала к соседям рассказывать о своем муже простофиле.

А как раз в то время в Кархане и проживал умный и справедливый человек по имени Даниел О'Коннел. Этот Даниел О'Коннел, когда узнал о том, как обманули в соседнем городе бедняка, очень рассердился и решил во что бы то ни стало помочь бедняку получить свои деньги сполна.

О'Коннел пришел к несчастному и сказал:

— Знаю, знаю твою беду. Послушай меня, друг мой. Я кое-что придумал. И уверен, что деньги мы вернем. Но понимаешь, тут нужна не только хитрость, но и маленькое самопожертвование. Необходимо, чтобы ты отрезал мочку твоего правого уха.

— Что? — вскричал бедняк. — Да пропади пропадом те двенадцать шиллингов, которые я недополучил! Мочка мне и самому нужна.

— Зря кипятишься, друг, — вздохнул О'Коннел. — Что твоя мочка, если речь идет о твоих детях и о твоей жене!

Бедняк, вспомнив о жене и детях, умолк и задумался. Что действительно значит какая-то мочка правого уха по сравнению со здоровьем детей? К тому же

он знал, что на Даниела О'Коннела можно положиться.

— Ладно, уговорил, — сказал он и отрезал мочку своего правого уха.

О'Коннел взял мочку, положил ее в конверт и понес к себе домой, сказав на прощание:

— Завтра с утра мы идем с тобой на базар. Будь готов и смотри не проспи.

На следующий день О'Коннел и бедняк пошли в соседний город. Они пришли на базар и стали искать вчерашнего обманщика, но никак не могли найти. К вечеру, когда проходили по главной улице, они увидели табачный магазин. И сквозь огромные стекла витрины они рассмотрели не только то, что продается, но и самого продавца. Это был он, пройдоха! Бедняк-то сразу его узнал.

О'Коннел вошел в лавку и спросил торговца:

— Хотя и вижу, что табак у вас на всякий вкус, но мне хотелось бы наилучшего. Голландского, что ли.

— Есть у нас и такой, — гордо ответил продавец. — И сколько вам?

— Подойди-ка сюда, — обратился О'Коннел к бедняку, который молча стоял в дверях магазина. — Сколько ты унесешь табаку?

Тут О'Коннел повернулся к табачнику и объяснил:

— Это, как видите, мой слуга! Он, понимаете, немой.

Бедняк нерешительно развел руками, не зная, что ответить.

— О, понятно! — воскликнул О'Коннел. — Значит, ты можешь отнести столько, сколько войдет, если

положить табаку от твоего большого пальца на правой ноге до мочки правого уха! Послушайте, хозяин, сколько это будет стоить?

— Ну, не больше десяти шиллингов, — подумав, сказал тот, прикинув расстояние от ноги до уха. — То есть, простите, не больше десяти фунтов, я хотел сказать.

По рукам, хозяин! — О'Коннел ударил табачника по плечу и захохотал. — А теперь, чтобы, упаси боже, не было бы обману ни с моей, ни с вашей стороны, подойдите и смерьте точно расстояние от большого пальца правой ноги до мочки правого уха моего слуги.

Торговец взял шнур и начал измерять, но когда дошел до уха, то увидел, что мочки-то нет. Удивленно раскрыв рот, он оглянулся на О'Коннела.

Ты не пугайся, парень, - сказал О'Коннел. — Мочка есть. Только преспокойно лежит она в соседнем городе Кархане в конверте, который я положил на мой письменный стол. Так что мерь отсюда и прямо до моего стола!

Пройдоха понял, что на этот раз и он попал впросак. Единственным его спасением было, что во всей Ирландии не нашлось бы столько табаку, чтобы заполнить расстояние между двумя городами.

— Знаете, что, — предложил он, — конечно, у меня таких запасов сейчас нет в наличии, но вот подойдут корабли...

— Ну уж нет! — вскричал тут бедняк, забывший о своей немоте. — Дудки! Давай сейчас же весь табак и возьми свои паршивые десять фунтов! О'Коннел, отдай ему деньги!

Хотя славный юрист был довольно богат, но десять фунтов и для него что-то значили. И все же он вытащил деньги и отдал.

— Возьми деньги и давай табак! — продолжал неистовствовать бедняк.

В то время слово было словом! Что оставалось делать торговцу?! Он взял десять фунтов и вышел из лавки, забыв даже шляпу и трость.

— Вот так, Даниел, — сказал тогда бедняк, — ты умен, но уши мне дороже. Так сколько же вы хотели бы купить табаку? Запасы, правда, небольшие у меня, но кое-что есть.

ЭЛЬФЫ

В ущелья, к вершинам скал
никто у нас не пойдет:
там, высоко в горах,
эльфов народ живет.

В зеленых кафтанах они
гуляют в тени лесов,
на красных шляпах у них
белые перья сов.

Одни на морском берегу
раскинули табор свой
и там лепешки пекут
из желтой пены морской.

Другие в озерной воде
устроили свой приют,
и от врагов всю ночь
лягушки их стерегут.

Король их и стар, и сед,
утратил ум и покой.
По струям тумана он
любит бродить над рекой.

Или в холодную ночь
летит с королевой ввысь,
туда, где в кромешной тьме
созвездий огни зажглись.

Бриджет они увели,
малышкой Бриджет была.
А возвратилась домой —
родных уже не нашла.

Снова ее унесли
эльфы к себе в тростники,
думали: девушка спит,
а она умерла от тоски.

Теперь на озерном дне
постелена ей постель,
спит она мертвым сном
и не проснулась досель.

А эльфы колючий сад
взрастили на берегах,
чуть тронешь — твоя постель
тоже будет в шипах.

В ущелья, к вершинам скал
никто у нас не пойдет:
там высоко в горах
эльфов народ живет.

СТУПЕНИ ЗАМКА ВЕЛИКАНОВ

Возле дороги, что соединяет Пассадж и Корк, стоял в свое время дом. Дом Ронаиней. Его легко можно было заметить по высоченным трубам и по вычурным башенкам. Жили в нем Морис Ронаинь и жена его Марджарит Гулд. Жили они, надо сказать, неплохо. Уж хлеба-то всегда в доме можно было найти. Так вот, у них был сын Филипп. Может, его так в честь испанского короля назвали, а может, и по другой причине.

Когда он родился и глотнул первый глоток воздуха, он чихнул, что явно говорило о том, что у ребенка необыкновенно ясная голова и большие способности к наукам. Это он и доказал позже, когда дали ему в руки букварь. Он мигом разорвал все страницы вплоть до буквы Д, ибо первые три буквы учить было ниже его достоинства. Ничего удивительного в том, что мать и отец гордились своим отпрыском, явно показывающим все признаки гениальности.

Но однажды утром, когда Филу исполнилось всего семь лет, он исчез. И никто не знал, что же с ним случилось. Искали его и верхом и пешком, облазали все горы и долины, но все напрасно. Много было разных предположений, много растекалось слухов, но шли годы, а мистер и миссис Ронаинь так и не знали, что же стряслось с их сыном.

В те времена возле Кэрригэлайна стояла кузница Робина Келли. Это был удивительный умелец, и его таланты ценились девушками и парнями, так как кроме того, что делал он великолепные плуги и прекрасно подковывал лошадей, он еще толковал

сны юным девам, пел на их свадьбах и был непременным крестным отцом на всех рождениях их детей, так что слава его давно перешагнула границы Кэрригэлайна.

И надо же было случиться такому, что сам Робин увидел сон, где появился перед ним юный Филипп Ронаинь на белом коне. И как будто говорит Филипп так:

— Ты узнаешь меня, Робин? Это я – Филипп Ронаинь. Я паж великана Махона Мак Махона, чей дворец находится в центре горы Ступени Великана. Вот уже семь лет я служу ему. Сегодня ночью истекает срок моей службы. И только ты, Робин, можешь спасти меня. Если ты сделаешь это, то не будет у тебя вернее друга, чем я.

— Ха, — ухмыльнулся даже во сне Робин, — а как же я узнаю, что это не просто сон?

— Я тебе оставлю памятку, — сказал мальчик.— И с этими словами белая лошадь, на которой восседал паж Махона Мак Махона, так лягнула задним копытом Робина в лоб, что, подумав о скорой и неизбежной смерти, Робин с криком проснулся.

Обнаружил он себя в своей постели, и о сне напоминала только сильная боль во лбу. Он взглянул в зеркало и ахнул: кроваво-красный след лошадиной подковы ярко сиял прямо посреди лба. И Робин, который никогда не затруднялся объяснить чужой сон, никак не мог понять, что же сам он увидел.

Нет ничего удивительного, что Робин хорошо знал, где находится гора Ступени Великана, потому что кто не знает эту огромную массу камня, уходящего в морской залив? И склоны ее действительно напоми-

нают ступени лестницы, которые выходят прямо из воды и поднимаются в поднебесье к скале Кэрригмахон. Они сделаны великанами и для великанов.

На Робина такое впечатление произвел сон, что он решил непременно его проверить. Он быстро оделся и отправился в путь, прихватив, однако, один из плугов, который при случае мог стать не таким уж плохим средством для разрешения некоторых легких недоразумений. Итак, положив плуг на плечо, Робин двинулся через перевал Глаун а Товк, что означает «Ястребиная Тропа», в Монкстаун, где проживал его старый дружок Том Клэнси. Ему-то Робин и выложил начистоту то, что увидел во сне. Том удивился, особенно его поразил след подковы на лбу приятеля. Он без всяких разговоров не только дал лодку, но и сам сел за весла, чтобы помочь Робину добраться до горы Ступени Великана.

Начинался отлив. Вода уходила из залива, обнажая камни, покрытые водорослями. В это время Робин и Том уже находились прямо под горой. Они искали вход в замок великана, который, как говорили, можно найти ровно в полночь. Но безуспешны были их поиски.

— Ну не пара ли мы дураков! — воскликнул потерявший терпение Робин. — Поверить какому-то глупому сну!

— Уж если кто и дурак, так это... — но Том не успел закончить речь, как увидели они под скалой слабое сияние, которое становилось все ярче, пока не очертился вход в замок, да такой, что красоте и величию его позавидовал бы любой королевский дворец.

Они направили лодку к входу, и Робин Келли, схватив свой плуг, смело вошел в замок великанов. Мрачным и страшным был коридор, в котором очутился Робин. Со стен на него злобно смотрели лица и звериные морды, вытесанные из камня, и линии их так переплетались, что невозможно было разобрать, кто есть кто, так как нос одного становился подбородком другого, а то, что казалось глазом, оказывалось ртом и лоб переходил в бороду. Чем больше глядел на них Робин, тем ужаснее казались они, и выражение лиц вызывало страх и ярость. Но Робин шел и шел дальше, пока не попал в темный и мрачный зал, и когда он вышел на середину его, услышал он глухой и угрюмый гул, как будто гора решила рухнуть и похоронить в себе Робина. Тут-то он по-настоящему испугался.

— Робин, Робин! — сказал он себе. — Если ты был таким дураком, явившись сюда, то что тебе за дело, что здесь творится?

Как только он сказал это, увидел вдалеке свет, похожий на свет одинокой звезды в зимнем небе. Бросился Робин вперед, да кстати, он бы и не нашел дороги назад: столько поворотов сделал он, идя сюда. Но видит Робин свет. Очутился он в огромном зале, с потолка которого свисала лампа. В полумраке за огромным каменным столом, стоящим посередине, восседали как бы в тяжком раздумье гигантские фигуры. Стояла гнетущая тишина. И тут Робин увидел самого Махона Мак Махона, чья волшебная борода ушла глубоко в камень. Тот заметил Робина и встал, дернув бороду с такой силой, что разлетелась вдребезги скала.

— Что ищешь тут, человек? — спросил он громовым голосом.

— Я пришел... — отвечал Робин со всей возможной смелостью, хотя надо честно признать, что сердце у него было не только в пятках, а где-то еще дальше, — я пришел за Филиппом Ронаинем, чей срок службы истекает сегодня.

Кто послал тебя?

Я сам пришел.

— Тогда сам и найди его среди моих пажей, — сказал великан — А если тебя постигнет неудача, ты умрешь! Следуй за мной!

Махон Мак Махон тяжело пошел вперед, за ним Робин. И попали они в огромный светлый зал, возле стен которого стояли сотни семилетних детей, одетых в зеленые костюмчики, и все детишки так походили друг на друга, что казались листьями на одном дереве.

— Вот, выбирай своего Филиппа, — угрюмо улыбнулся Мак Махон. — Но запомни, что тебе дана лишь одна попытка.

Задумался Робин: где тут среди сотен ребят найти Филиппа, которого к тому же за семь прошедших лет он основательно подзабыл? Шел он рядом с Махоном Мак Махоном вдоль рядов и молчал. Молчали и дети. Только страшный шум доспехов великана отдавался эхом где-то под потолком высоченного зала. Вот они уже кончают обход, и понял Робин, что единственный выход — это подружиться с великаном.

— Удивительно, — сказал Робин, — что дети долго находятся под землей без свежего воздуха, а выглядят так прекрасно. Вы, наверное, очень заботитесь о них?

— Да, — согласился Мак Махон, — это правда. Ты, я вижу, понимаешь кое-что. Дай-ка я пожму твою честную руку.

Но Робину почему-то не понравилась рука великана, и, боясь, что тот просто сломает ему руку, Робин сунул вместо руки плуг.

Мак Махон сжал его, словно былинку, и сказал:

— У тебя довольно сильная рука, кузнец.

При этих словах дети не удержались и стали смеяться, и в тот же миг Робин услышал среди смеха свое имя. Он напряг весь свой слух и все свое зрение и увидел Филиппа.

— Пусть я умру, — вскричал он, кладя руку на плечо мальчика, — но это и есть юный Филипп Ронаинь.

— Это Филипп! Это счастливчик Филипп! — подхватили мальчики.

И тут что-то ухнуло, загремело, в то же мгновенье стало темно. Очнулся Робин уже утром. Огляделся вокруг.

Оказывается, лежит он на вершине горы, руками же крепко прижимает к себе Филиппа.

Мы уже говорили, что дружков у Робина было предостаточно и в Пассадже, и в Монкстауне, и в Кэрригэлайне, да и во всем Кэрриенвайхи. Так что было кому рассказать о своих приключениях. И каждый раз его спрашивали:

— А уверен ли ты, Робин, что это самый настоящий Фил Ронаинь? Ведь он семь лет отсутствовал и никак не изменился. Не стал ни выше, ни старше, говорит о том, что было тогда, семь лет назад. Как будто с ним ничего не случилось.

— Уверен ли я? — отвечал Робин. — Странный вопрос, клянусь! Гляньте на его синие глаза. Они точь-в-точь как у его матери. А волосы? Да таких рыжих волос не увидишь ни у кого другого, как только у папаши Ронаиня да у его сына Фила, не говоря уж о бородавке под носом справа.

Родители Фила совсем не сомневались, что к ним вернулся их сын. Они наградили Робина по-королевски, конечно, исходя из своих доходов.

Сам Фил дожил до глубокой старости и достиг удивительного мастерства в работе с латунью и железом. Говорят, помогло этому пребывание у Махона Мак Махона. Мне же кажется, что главное было в том, что он дружил с таким мастером своего дела, как кузнец Робин Келли.

* * *

Счастлив я в краю родном.
Я люблю свой милый дом.
Посмотрите: все, что в нем,
я добыл своим трудом.

В Альпах чистые снега,
и долины, и луга.
Будь туда хоть два шага —
мне отчизна дорога!

Ведь ирландцы такой народ:
откровенные,
нелицемерные,
в дружбе — верные,
в битве — первые!

Сыновья моей страны
духом смелы и вольны.
Может, чуточку шальны,
но ни капли не скучны!

Как вы заметили, на Доннейбрукской ярмарке можно услышать кое-что весьма интересное, и если бы мы попытались рассказать все, рассказ наш растянулся бы на столетия.

Но в общем вы поняли, что несмотря ни на что ирландцы умеют повеселиться. Шутки их всегда неожиданны, но ведь в этом-то и есть их отличие от других народов.

Но что там ирландцы! Ирландские звери и птицы такие весельчаки и шутники, что еще неизвестно, кто кого перещеголяет.

Тут уж держи ухо востро, приглядись повнимательнее, вдруг...

А ЕСЛИ
КАМЕНЬ
ЗА
ПАЗУХОЙ?

ПАНГУР БААН

Пангур Баан, котик мой,
мы охотники с тобой.
Ловим мы в тиши ночей:
я — слова, а ты — мышей.

Ты появишься чуть свет:
— Мурр! Ну как дела, поэт?
— Звонкой песней, милый кот,
я развеял тьму забот!

МНОГООПЫТНЫЙ ЛИСЕНОК

В одном лесу, возле Даунпатрика, жила Лиса с тремя лисятами.

А сейчас прожить на этом свете труднее, чем во времена давно прошедшие. И без настоящего образования, честно сказать, делать нечего.

Лиса каждый день водила детей по лесу и рассказывала им, как называются деревья, какие травы полезны, какие вредны. Она перечисляла птиц и говорила об их повадках. Особенное же внимание, конечно, было уделено зайцам.

И вот раз шли они по лесу и вдруг увидели дом, а в доме — людей. На весь лес раздавался их шумный и громкий разговор. Лиса посадила лисят в ряд и стала спрашивать поочередно каждого лисенка о том, что же все-таки происходит в доме.

Первые два лисенка чуть со стыда не умерли, потому что никак не могли взять в толк, что же в этом человечьем доме случилось. Лисе самой стало стыдно, и она уже без всякой надежды обратилась со своим вопросом к самому младшему Лисенку, который в это время водил носом из стороны в сторону, наблюдая за полетом шмеля.

— Перестань отвлекаться, сынок, — сказала Лиса. — Лучше подумай и скажи, что происходит в доме Человека?

Лисенок высунул язык, зажмурил глаза и долго-долго прислушивался и наконец ответил:

— Я думаю, мамочка, что там разговаривают. Только вот не пойму — кто? То ли две женщины, то ли двенадцать мужчин...

ЛИСА И ЦАПЛЯ

То, что в свое время птицы умели говорить, и доказывать нечего. Но это просто так. К слову.

В местечке Глен-ов-Рэнз, что по-русски значит «Деревня Крапивников», жил некогда Крапивник. Обремененный большой семьей, он с трудом сводил концы с концами. А тут наступил день, когда и вовсе ни пищи, ни денег не стало. Пошел Крапивник к соседке своей Цапле и попросил в долг денег. Не так уж много, фунтов двадцать, наверное. Конечно, через год клялся отдать.

Пролетел год. О Крапивнике ни слуху ни духу. Пошла Цапля к нему. Приходит, а в доме Крапивника гул и стук: всей семьей молотят они овес. И мал и стар. Но кто тут может отличить малого от старого, если все как две капли воды похожи. Сунулась Цапля туда-сюда, хотела что-либо узнать, да где там! Сопят крапивники, цепами машут, Цаплю и слушать не хотят. Пришлось уйти ей, как говорится, не солоно хлебавши. Идет она по дороге, а навстречу Лиса.

— Что ты такая печальная, Цаплюшка? — спрашивает.

Чуть не плача, рассказала о своем горе Цапля.

— А ты вот что сделай, — улыбнулась Лиса. — Возвращайся-ка ты к Крапивнику — они ведь до сих пор молотят свой овес — подойди поближе и скажи: «Эх и легко узнать настоящего хозяина по сильному да ловкому удару!»

Побежала Цапля назад. Запыхавшись вбежала в дом Крапивника. Увидали ее хозяева и ну сильней махать цепами.

— Сразу можно узнать настоящего мастера по удару! — крикнула Цапля.

Старый Крапивник гордо выпятил грудь, небрежно бросил горсть овса под цеп и сказал:

— В молодости-то я, может, еще и получше был.

— Ах, вот, значит, кто старший! — обрадовалась Цапля. — А ну-ка возвращай мои двадцать фунтов!

Понял тут Крапивник, какой промах сделал, но оставалось одно: пойти к сундуку и достать деньги.

Радостная возвращалась Цапля, а навстречу опять Лиса.

— Как дела? — спрашивает.

— Ой, спасибо тебе, Лисанька. Все так и получилось, как ты говорила.

— Это что! — самодовольно улыбнулась Лиса.— Видишь, вон на том поле люди работают. Беги к ним и скажи, что потеряла в пруду кошелек с двадцатью фунтами. А дальше уж сама увидишь, что будет.

«Раз так плутовка говорит, — подумала Цапля, — что-нибудь за этим кроется. А в общем, что я потеряю!» Цапля сунула поглубже свой кошелек под крыло и побежала к людям.

— Добрые люди! — закричала она еще издалека. — Случилось со мной такое горе! Потеряла я кошелек с деньгами в пруду! Целых двадцать фунтов в нем!

Засуетились люди. Как же! А вдруг кому повезет и найдет он этот кошелек. Бросили они свою работу и побежали к пруду и давай канаву копать, чтобы воду спустить. Так усердно работали, что и часа не прошло, как канаву вырыли. Побежала вода, забурлила. А Цапля глазам своим не верит: на дне пруда тысячи

вкуснейших угрей. Целую неделю таскала цапля угрей домой. И солила, и мариновала, и коптила — на всю зиму запаслась.

На радостях решила Лису в гости пригласить.

— Лисанька, какие ты мне разумные советы дала. Просто не знаю, как тебя отблагодарить. Приходи ко мне в гости, я тебя самой лучшей сметаной угощу.

То, что Лиса от сметаны еще никогда не отказывалась, известно всем. В тот же вечер прибежала она к Цапле. Надо сказать, что Цапля рачительной хозяйкой была. Четырех коров держала, да овец, и даже кур. Так что угостить было чем.

— Спасибо тебе, хозяюшка, вкусно готовишь ты! — приговаривала Лиса, обгладывая куриную ножку. — Где же обещанная сметанка?

Принесла Цапля горшок самой лучшей сметаны. Миг — и как будто ее не бывало. Лиса лишь жмурится.

— А нет ли еще? — чуть не мурлычет она.

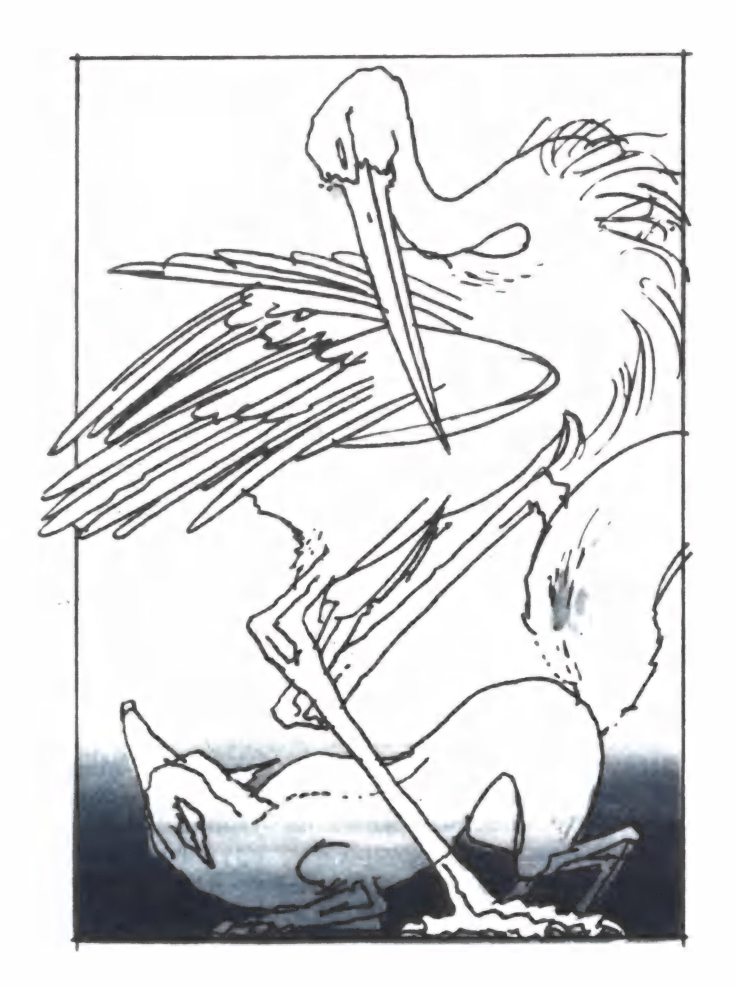
Принесла Цапля второй горшок. А когда пошла за третьим, екнуло у нее сердце, заскребло что-то в нем и такая жалость всю ее охватила, что плакать захотелось.

«Как же так, — подумала Цапля, — как я решилась пригласить эту обжору в гости? Ведь всю сметану она съест. Что я на рынок-то повезу?»

И решила она отомстить Лисе. Случай такой представился. Как-то повстречала она отару овец. Пастух шел рядом. Цапля к нему.

— Послушай, пастух, у тебя нет в стаде черного ягненка?

— Есть. А что?

— Так знай: Лиса давно за ним охотится. И сегодня ночью особо смотри за ягненком.

— Спасибо, Цапля, — сказал пастух. — Сегодня ночью я постараюсь встретить кумушку, да так, что она всю жизнь помнить будет.

Обрадовалась Цапля и побежала к Лисе.

— Лисанька! — зашептала она. — Что я видела! Такого прекрасного черного барашка, что пальчики оближешь! И пастух сегодня в деревню уходит. Просто подходи и бери!

Большой охотницей была Лиса до ягнят, но только знала, что даром они не даются. И не очень поверила она Цапле, но притворилась, что рада.

— Ты настоящая подруга, Цапля, — сказала Лиса. — Может, пастуха и в самом деле не будет. На всякий случай мы так сделаем: ты полетишь к овцам, будешь шумно махать крыльями, чтобы они испугались и в разные стороны побежали. Тут-то я и схвачу ягненка. Ну и как положено, половина твоя.

— Согласна, — захлопала крыльями Цапля, а сама подумала: «Прилечу, сделаю вид, что пугаю, чтобы плутовка ничего не заметила...»

Наступила ночь. Вышли подруги в поле. Вот и овцы уже видны.

— Лети! — шепнула Лиса.

Цапля поднялась в воздух и полетела к овцам.

— А я на всякий случай здесь посижу, — сказала сама себе Лиса. Взобралась на бугорок и смотрит.

Цапля прилетела к отаре и ну кружить над ней. А пастух уже собак наготове держит. Увидел, что-то серое посреди отары мелькает, и пустил своих псов, а сам здоровенную палку взял и побежал вслед за

ними. Цапля над овцами летает и все время оглядывается: где Лиса? Видит чей-то хвост внизу мелькает. Но разве разберешь с высоты, что там внизу делается. Спустилась Цапля пониже. Вдруг кто-то как рыкнет, как взлает и за ногу Цаплю — хвать! Она туда-сюда, но не так-то просто вырваться из собачьих зубов. Не знаю, какое чудо помогло ей. Вырвалась она — и домой. Над бугром пролетает, а снизу смех.

— Ну как, милая подруга? Пастух еще не пришел из деревни?

С тех пор нет дружбы между Лисой и Цаплей. Но дело не в этом. А в том, что Цапля теперь то одну, то другую ногу поджимает: боится, наверно, что собаки цапнут.

ЛИСА И ОРЕЛ

Ну и годок выдался! Такого голодного года и не помнили. Ни зверей, ни птиц не видно. Лиса не ела дней пять или шесть. От такого воздержания очень даже просто и умереть.

И вот только возле Килларнийских озер ей повезло. Увидела она утиный выводок. И недалеко вроде плавали уточки от берега, можно было до них доплыть.

Лисья мысль быстра. Сорвала она два больших листа пастернака, одним голову прикрыла, другой в зубы взяла. Со стороны если поглядеть, плывут листья по течению. И какая утка откажется от вкусного пастернака. Так и попалась одна. Схватила ее Лиса и к берегу поплыла. Положила под куст и вновь в озеро. Уже двух поймала. Поплыла добывать третью. Поймала, вернулась, смотрит, а тех двух уток, которых она спрятала под кустом, не видать. Исчезли.

— Милостивый боже! — запричитала Лиса. — Целый день трудов пошел насмарку! Кто же так подшутил надо мной?

Обежала Лиса берег, под все кусты заглянула. Никого. Вдруг видит на прибрежной скале гнездо орлиное.

— О негодяй! — крикнула она. — Я разбойница, но ты еще больший разбойник, чем я! Ну, погоди...

А недалеко тлел костер. Видно, рабочие, которые добывали торф, жгли его, чтобы сварить что-то или погреться. Теперь они ушли, костер же догорал.

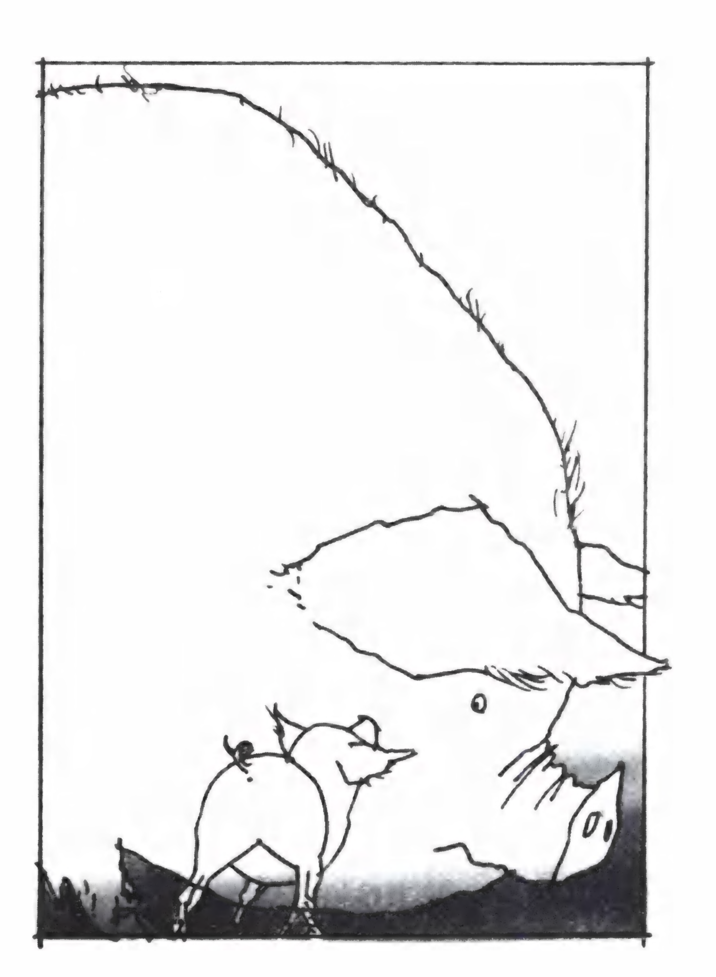
Лиса сунула третью утку в угли так, чтобы они попали ей под перья, затем вынула и положила утку под

куст, сама же под другим спряталась. Не успела спрятаться, как мелькнула огромная тень, и вот уже утка в когтях Орла. Как говорится, вор у вора дубинку украл.

Только принес Орел утку в гнездо, а тлеющие угли и выпали из-под перьев утиных. Запылало гнездо.

Вот и связывайся с Лисой после этого, если она и Орла может наказать.

УИ-УИ

Однажды свинья забралась в огород и начала есть капусту. А ее сын, розовый поросенок, который вслед за матерью забрался в тот же огород, не менее успешно уничтожал огурцы.

В это время из конуры вылезла собака и, узрев такое безобразие, с громким лаем бросилась на разбойников.

С трудом спаслись мать с сыном. Отдышалась свинья и говорит:

— Я, хрю-хрю, в этот огород больше ни ногой, помяни мое слово, сынок, я, хрю-хрю, здесь не появлюсь никогда, никогда!

— Ты, уи-уи, мамочка, говоришь это, уи-уи, всегда, всегда! — проверещал розовый поросенок, отдышавшись.

КОВАРНАЯ ЛИСА

Нет зверя коварнее Лисы. И коварство это доходит иногда до того, что страшно рассказывать.

Разорила Лиса гнездо Сороки. Конечно, такой обиды не могла простить Сорока. И случай наказать разбойницу представился сразу же.

Шли в то время из ближайшей деревни женщины на болото, где добывался торф. И, как положено, несли они своим братьям, мужьям и отцам пищу, а точнее, бутерброды с вареным мясом и горшки с творогом. Несли все они в корзинах, что были привешены за спиной.

Увидела это Сорока и полетела к Лисе.

— Добрый день, Лиса! — протараторила она, увидев Лису. — Такая у меня для тебя приятная новость!

Лиса никак не могла взять в толк, чего это ее так ласково Сорока приветствует.

— Послушай, Сорока! Я же твое гнездо разрушила!

— Ах, брось ты вспоминать об этом, — сказала Сорока. — Я уже давно новое построила да получше старого. А сейчас вот что хочу тебе сообщить: к торфяному болоту идут женщины и несут своим мужчинам такой обед, просто слюнки текут. И я знаю, как можно полакомиться всем этим.

— А не обманываешь? — засомневалась Лиса.

— Что ты! Тебе и делать ничего не надо будет. Только рот раскрывать, а пища сама полезет.

— Ладно, — согласилась Лиса. — Если так, я согласна.

И вот Сорока полетела вслед за женщинами, стала из корзин их выбрасывать бутерброды и даже горшки с творогом. Лисе только и оставалось, что подбирать лакомые кусочки да есть. А работало много мужчин на том высохшем болоте. И много, следовательно, пищи несли им. Лиса так наелась, что ни встать, ни сесть не может. Так и лежит на дороге.

— Наелась ли ты, кумушка! — ласково спрашивает Сорока.

— Ой, не говори, — стонет Лиса. — Так наелась, что двинуться сил нет. Скорей зови врача, иначе лопну.

Сороке только это и нужно было. Полетела она и кричит:

— Люди! Там Лиса на дороге валяется. Это она все ваши бутерброды и творог украла! Хватай ее!

Встрепенулись люди, похватали палки и помчались что есть силы к Лисе. А впереди собаки несутся. Услышала Лиса лай, увидела палки в руках людей, поняла, что не удастся ей отдохнуть после сытного обеда. Вскочила на все четыре лапы и стрелой понеслась к лесу, приговаривая на бегу:

— Хороша ж ты, Сорока...

А Сорока летит над ней и в свою очередь приговаривает:

— Ну как, хорош врач? Видишь, как он сразу тебе помог! Чувствуешь, какая резвая ты стала!

ЛИС, ЗАВОЕВАТЕЛЬ ИНИШКЕА

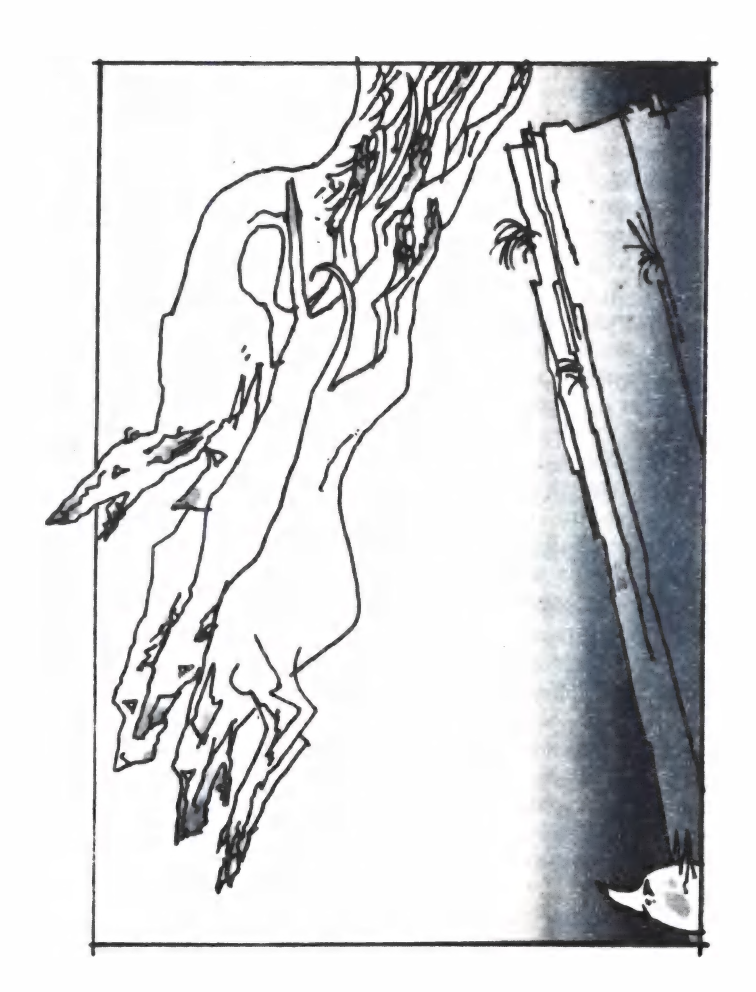
Между городами Фалмором и Бэллигласом жил знаменитый разбойник Рыжий Лис. Не было от него покоя ни курам, ни гусям, ни ягнятам. При упоминании о нем у многих хозяев и хозяек сердце судорогой сводило, а из глаз лились слезы. И решили люди устроить настоящую облаву на проказника. Но Лис, конечно, об этом прослышал и стал думать, как бы избегнуть наказания. И не придумал ничего лучшего, как завоевать остров Инишкеа, что недалеко от Фалмора.

Придумать легко, но как исполнить: испокон веков лисы в море не плавали. Но повезло Лису. Прибыли с острова на материк крестьяне и рыбаки, оставили лодки возле Фалмора, а сами направились в Блэксод, чтобы купить в тамошних магазинах и лавках все, что им требуется. Лис тут как тут. Залез в лодку, лег на дно и притворился мертвым. Вот уже и хозяин лодки возвращается.

— Эй, глядите! — удивился он. — Кто-то мне шкуру лисью подбросил в лодку! Ну и добряки живут здесь!

Поднял он Лиса за шиворот и бросил на мешки с хлебом, что купил в Блэксоде. Затем оттолкнул лодку от берега и поплыл на Инишкеа. Разве мог удержаться Лис, чтобы не попробовать свежего, еще теплого хлебца. Так они и плыли. Человек старательно греб, а за спиной у него восседал Лис и лакомился хлебом, успевая при этом посматривать на небо и море.

Наконец доплыли они до острова. Не успел хозяин

весла сложить, как исчез Лис да прихватил с собой пару караваев хлеба.

Первым делом он обежал остров, посмотрел, как здесь живут и что водится. А было там всего предостаточно. Куры бродили по дорогам, утки и гуси безбоязно плескались в озерцах и ручьях, ягнята грелись на теплых лугах.

— Хорошее местечко я выбрал, — приговаривал Лис. — Клянусь, не зря переплыл море.

Устроил он нору себе под высокой скалой возле куста шиповника. Затем уж начал по-настоящему грабить местное население. Что ни день, то пропадали куры и утки, что ни ночь — исчезали ягнята. И как только ни гонялись за Лисом собаки! Ведь что он придумал! Напали, к примеру, на него собаки, гонятся за ним. Он от них стрелой и прямо на гребень скалы, под которой его нора. Разгонятся собаки вовсю, а Лис — раз! — и под гребень да в нору. Собаки ж остановиться не могут и летят со скалы вниз...

И много лет прожил Лис на Инишкеа. Разбойник этакий!

НУ, КРАПИВНИК!

Давным-давно все птицы были равны и не было у них никакого правительства, никакого царя. Но в то время они еще не были столь мудры, чтобы жить друг с другом в согласии и счастливо. Поэтому не было никакого порядка, то и дело то тут, то там возникали споры и скандалы.

И вот кто-то высказал мысль, чуть ли не Цапля, что надо бы выбрать царя, который навел бы порядок у них. Это пришлось по душе многим.

Решили собраться все вместе и не расходиться до тех пор, пока не решат, кто же будет царем. Собрались на огромном поле. Шум, гам, крики, чуть не драки вспыхивали между ними. Все-таки царем не так уж плохо быть. Даже Курица и то подумала: «А чем я хуже других?»

Солнце уже за горами скоро скроется, а страсти не утихают.

И опять кто-то — не Утка ли? — сказал, что надо бы призвать Человека на помощь. Позвали. Пришел Человек. Выслушал, в чем дело, и сказал:

— Я думаю, что вашим царем может быть лишь тот, кто выше и дальше всех летает.

Не успел он закончить последнее слово, как тысячи птиц взмыли в небо, так что на миг показалось, что наступила ночь. Птицы стремились вверх все выше и выше. Но многие из них теряли силы и камнем падали вниз. Не так просто оказалось летать в самом поднебесье.

И вот один лишь Орел парит в вышине. Так высоко, что, клянусь, оттуда и земли-то не видно,

с такой высоты. Орел все же поднимается и поднимается. «Как пить дать, буду я царем!» — радуется Орел.

И только он это подумал, как со спины его поднялась маленькая пичужка и взмыла еще выше. От удивления и расстройства Орел едва не свалился вниз, но, подумав, расправил крылья и плавно стал снижаться. На земле он подошел к Человеку и пожаловался:

— Я поднялся так высоко, что Луна уже была ко мне, ближе чем Земля. И вдруг вижу, как с моей собственной спины взлетает этот разбойник Крапивник и летит еще выше. Я не против честной борьбы, но это же наглость — использовать меня в качестве верхового коня!

Рассмеялся Человек.

— Давайте накажем обманщика, — сказал он. — Пусть с этих пор он летает так же высоко над землей, как высоко сумел взлететь над Орлом!

Согласились птицы. И когда Крапивник кубарем скатился с неба, они заставили его показать, как же высоко он может летать. Оказалось — не выше июльской крапивы. Так ведь на то он и Крапивник!

ПОЮЩИЕ ГУСИ

Однажды один человек отправился на охоту, чтобы добыть себе что-нибудь на обед. И вот когда он шел по тропе, услышал пение над собой. Посмотрел вверх и увидел стаю диких гусей, которые летели куда-то. Гуси летели и пели:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

Охотник поднял ружье, прицелился и подстрелил одного гуся, и когда гусь падал, а падал он потому, что его подстрелил тот охотник, он продолжал напевать:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

Охотник поднял гуся и отнес своей жене. Та начала ощипывать гуся, чтобы приготовить из него жаркое, но стоило ей только взяться за какое-нибудь перышко, как оно вдруг вырывалось из рук и летело прямо к окну, а затем и на улицу. И все время, пока ощипывали, чистили гуся и мыли, он весело напевал:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

Женщина разожгла печь, поставила сковороду на плиту, на сковороду бросила голого чистого гуся, и пока гусь жарился, он продолжал весело напевать:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

И вот когда жаркое было готово, женщина поставила сковороду на стол, а мужчина взял вилку и нож и приготовился было уже разделаться с гусем, как тот весело запел:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

Рассердился мужчина и с силой вонзил в гуся вилку, но тут раздался необыкновенный шум, и в окно влетела стая гусей, которые весело пели:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

У каждого гуся в клюве было перышко, и каждый гусь приставил свое перышко, которое нес в клюве, к жареному гусю, что распевал на сковороде, и тот, на миг перестав петь, расправил крылья и вдруг взлетел. И вся стая вместе с ним вылетела в окно, весело напевая:

— Го, го, хагл-гагл, хагл-гагл, го, го!

Удивленные мужчина и женщина сидели друг против друга, а на столе, кроме ножа, ничего не осталось, поскольку вилку унес гусь.

А нож на столе, говорят, не к добру.

ПОЧЕМУ СОВА БОИТСЯ ЛЕТАТЬ ДНЕМ

Когда-то Сова славилась своим умением перекрашивать вещи одного цвета в другой. Что там вещи или просто ткани! Она так наловчилась, что птицы и оглянуться не успевали, как становились то желтыми, то красными, то синими, то зелеными, а то сразу всех цветов. Вот это умение!

В общем, все птицы покрасились так, как им хотелось. Один только Ворон остался белым и очень хвастался этим, пока не понял, что такая красота ему ни к чему вовсе: издалека заметен был разбойник. Пришлось лететь к Сове.

Покрась-ка меня так, чтобы никто не мог заметить меня, — сказал он. — Хотя, конечно, белый цвет мне к лицу, но с ним и умереть можно.

— Не беспокойся! — ответила Сова. — Добавлю чуть черного и ты станешь серым-серым, незаметным.

Бросила в бочку с водой черной краски и стала мешать. А в бочке темно, непонятно: хорошая ли краска получилась? На всякий случай еще добавила черной, потом еще раз добавила.

Затем посадила Ворона в бочку, и когда тот выбрался из нее, то чернее его на свете уже никого не было.

Оглядел он себя и в гневе каркнул:

— Как черен я, так черна будет твоя жизнь! Будешь ты жить вечно в темноте! Ибо днем не будет тебе спасенья от меня!

Может быть, Сова не так уж и испугалась угрозы, но на кого-то надейся, а сам не плошай. Береженого

и бог бережет. В общем, предпочитает Сова летать ночью. А жаль! Такого мастера потеряли птицы, да и мы тоже.

А ЕСЛИ КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ?

На высоком старом дереве жил Ворон. Не путайте его только с Ачильским вороном, хотя этот Ворон тоже был стар и умен.

Жил он не один, а с внуком. Как всякий дед, учил и воспитывал.

Однажды старый Ворон позвал внука и показал ему картофельное поле. Затем сказал:

— Вот перед тобой картофельное поле. И, клянусь, там растет неплохая картошка. По крайней мере, мне она нравится. Но в этом ты и сам можешь убедиться, если слетаешь туда. И не за этим я позвал тебя, чтобы расхваливать картошку. А хочу дать тебе, как и всегда это делаю, один весьма полезный совет.

Когда ты захочешь полакомиться картошкой и полетишь на то поле, ты можешь повстречаться с человеком. Так вот, если ты увидишь, что он несет на плече или просто в руках какую-то палку, знай, мой юный друг, — палка эта может вполне оказаться не палкой, а ружьем. И человек может убить тебя из него.

Но это не все. Ты можешь встретить человека и без палки-ружья. И все же гляди в оба. Как только увидишь, что он нагибается и что-то поднимает с земли, знай — это, возможно, камень. И человек уж непременно бросит его в тебя. Ты не жди, когда он это сделает. А улетай сразу прочь. Понятно?

— Да, дедушка, все понятно, — ответил Вороненок. — Только вот что делать, если я увижу человека без палки и увижу, что он не нагибается? А вдруг у него камень за пазухой?

Услышав это, старый Ворон растерянно открыл клюв да так и полетел с раскрытым клювом к себе на высокое старое дерево.

КОТ И СОБАКА

Возле Кешендена, на ферме Робина Кеша, жили-были кот и собака. Кот целыми днями лежал возле камина, а собака в дождь и холод сторожила дом на улице.

И вот как-то она настолько промокла и озябла, что терпеть такую несправедливость, что кот валяется возле жаркого огня, она же, которая по-настоящему трудится, дрожит от холода и сырости, собака больше не желала.

Собака пошла к коту и сказала:

— Все. Хватит. Ты, конечно, неплохо устроился, но больше так продолжаться не может. С чего это я должна мокнуть на улице, в то время как ты мурлыкаешь от удовольствия в тепле?

Робин Кеш, который сидел тут же и чинил обувь, слышал речь собаки и подумал, что ведь права она. Он поднялся и сказал:

— Я думаю, ты, собака, права. Но дом надо завоевать. Вот и устроим соревнование: кто первый добежит до дома, того и дом будет.

На следующий день Робин, собака и кот пошли на картофельное поле. Погода была прекрасная. Робин дал сигнал, и кот с собакой понеслись что есть духу. Конечно, собака, на что и надеялся Робин, сразу обогнала кота. Но надо же такому было случиться! Как раз в это время по дороге шел нищий. Он увидел, как на него несется громадная собака с разинутой пастью, и решил, что сейчас она разорвет его на куски. Нищий схватил камень и, когда собака была близка, бросил камень в нее. Не столько от боли, сколько от обиды,

собака и впрямь бросилась на нищего. Тот побежал, она следом. Пока собака гонялась за нищим, кот тихонечко дошел до дома, улегся возле камина и стал умываться.

И когда собака наконец-то прибежала домой, он сказал:

— Видишь, как ты не права. Я победил. Так что дом на вечные времена мой.

Робин Кеш очень переживал неудачу собаки. Но слово есть слово. Он лишь построил для нее конуру. Но ведь конура и есть конура. Камина в ней нет.

УЖАСНО СТРАШНАЯ СКАЗКА ПРО... КОЛДУНИЙ

Однажды вечером сидела одна многодетная женщина у камина. Дети спали, а она собиралась прясть шерсть, как вдруг стук в дверь, и тихий страшный голос говорит:

— Открой! Открой!

Женщина, сама не зная как, взяла и открыла дверь.

Вошла старуха, в руках у нее мотки шерсти, на лбу огромный рог. Прошла она молча к камину, стала быстро-быстро сматывать шерсть и разматывать. Затем как закричит:

— А где остальные?

И тут же снова стук в дверь.

— Открой! Открой!

Хозяйка сама не своя открыла дверь, а на пороге еще одна старуха с мотками шерсти в руках, только на лбу у нее два рога. Молча она прошла к камину, села рядом с первой и начала сматывать да разматывать шерсть.

Тут крики и стуки в дверь стали раздаваться беспрерывно. Каждый раз входила старуха, несла шерсть, только у каждой было рогов все больше и больше. Набралось двенадцать старух, и у двенадцатой было двенадцать рогов. Страх да и только. И все сидят возле камина, сматывают да разматывают шерсть. Вдруг как повернутся все к хозяйке да как закричат:

— Иди, женщина, и сделай нам пирог! А воды для замешивания теста принеси в решете!

Испугалась женщина, даже на помощь нет сил позвать. Пошла она к колодцу, стала набирать воду решетом, но разве решетом воды наберешь.

Раздался голос:

— Добрая хозяюшка, с тобой говорит хранитель воды в твоем колодце, и вот что я хочу сказать: страшные гости у тебя, но ты не бойся. Сейчас же залепи решето глиной и набирай воду.

Так и сделала женщина. Набрала она в залепленное глиной решето воды и понесла домой. Колдуньи удивились, но ничего не сказали. А женщина носила и носила воду. И вдруг закричали ведьмы:

— Давай муку! Давай муку! Сама марш на улицу! Подойди к северному углу дома и скажи три раза: «Над Волшебной горой разгорайся яркий костер!»

Что оставалось женщине, как не подчиниться. Вышла она из дома, подошла к северному углу и сказала то, что ей велели. И в тот же миг из окон дома с жутким воем, проклятиями и заклинаниями вылетели ведьмы и полетели к горе Слив-на-мон, где было их главное жилище.

Обрадовалась было женщина, но слышит голос из колодца.

— Теперь, хозяюшка, не зевай. Сними с себя и со всего дома их гнусные чары, а то вернутся они и будет плохо. Во-первых, вылей воду из таза, где твои дети мыли ноги перед сном, сожги в печи колдовской пирог, закрой их мотки шерсти в сундуке на замок, сама же запрись в доме да еще в скобы вставь здоровенную оглоблю, чтобы дверь они не открыли.

Послушалась женщина. Все сделала так, как ей сказали. И только она просунула оглоблю в дверные

скобы, как послышался страшный вой, жуткие крики и проклятия.

— Открой! Открой!

Молчит женщина, только оглоблю придерживает.

— Открой! Открой, грязная вода в тазу! — взъярились ведьмы.

— Не могу, — отвечает грязная вода, — вылили меня.

— Открой! Открой! Волшебная оглобля!

— Не могу. Меня в скобы заточили.

— Открой! Открой! Любимый наш пирог!

— Не могу, меня в камине сожгли.

В ярости летают колдуньи вокруг дома, а сделать ничего не могут. Из колодца же тихий смех раздается. И поняли они, что обхитрил их хозяин чистой воды, и полетели они на гору Слив-на-мон.

Разве может справиться ведьмин огонь с чистой водой?

* * *

В Ирландии прядут пряжу только ближе к ночи, когда овцы спят. К тому же ни в коем случае не ловите сверчков, иначе они просто съедят всю пряжу, которую вы спряли.

ЛЮБИМЦЫ

Некий Кольм имел кота,
и щегла,
и шмеля.
Очень он любил кота,
и щегла,
и шмеля.
Но щегол однажды съел за обедом шмеля.
Кот такого не стерпел и сожрал он щегла.
Тут и помер...
Бедный Кольм жалел кота,
и щегла,
и шмеля.
Он ведь так любил кота.
и щегла,
и шмеля.
Начал эльфов он просить за кота, за щегла:
поскорее воскресить и щегла, и шмеля —
всех любимцев.
Вот так чудо! Ожил кот,
возвратил
он щегла.
И опять щегол живет,
возвратил
он шмеля.
Жили дружно вчетвером, смерть за ними пришла
и расправилась с котом, добралась до щегла.
А шмель умер сам.

ХОЛОДНАЯ МАЙСКАЯ НОЧЬ

Ирландия такая страна, что о ней слышал каждый. Но не каждый слышал о старом Ачильском вороне и тем более про одну майскую ночь, когда вдруг вернулись зимние холода и загудел ледяной ветер.

В тот день и с утра было холодновато, а к вечеру так приморозило, что бедный старый Ачильский ворон места не мог найти. Он и туда летал, и сюда: всюду холодно. Совсем отчаявшись, прилетел он к орлиному гнезду и видит: в хорошем удобном гнездышке сидит птенец и ждет папу.

«Дай-ка, — подумал старый Ачильский ворон, — примощусь и я здесь. Может, теплее будет». Сел он в гнездо, устраиваться начал, да и вытолкнул орленка из гнезда.

А тут и стемнело.

Послышался шум крыльев — это Орел спешил к своему гнезду, нес в клюве здоровенный кусок мяса. И поскольку было темно, не заметил Орел, что в гнезде уже не его орленок, а старый Ачильский ворон смирненько посиживает. Накормил он Ворона и согрел. Ворон же сидит да помалкивает.

Тут и ночь наступила, и такая холодная, что Орел клювом застучал и, так как уснуть все равно не мог, стал согреваться: взлетит в ночное небо, покувыркается, согреется и вновь сядет, птенца прикроет. Старый Ачильский ворон радуется — тепло ему.

Но к рассвету беспокойно ему стало и страшно. Вдруг Орел увидит, кого он всю ночь согревал. Орел же сидит и жалуется, что вот, мол, какая холодная ночь — такой ночи он и не упомнит.

Ворон возьми да и скажи:

— Нет уж. Была ночка и похолоднее!

— Откуда ты знаешь?! — удивился Орел.

— А вот и знаю, — упрямо сказал Ворон. — Была ночка и похолоднее.

— Так я тебе и поверил! — рассердился Орел.

— Если ты не веришь, можешь спросить у Черного Скворца, что живет в-о-о-н за тем лесом.

— Ладно, — насупился Орел, — я полечу и спрошу. Но смотри!

И Орел взлетел ввысь.

Он летел без остановки до леса и через лес, пока не долетел до Черного Скворца.

Черный Скворец ждал солнышка. Орел подлетел к нему и сказал:

— Здравствуй, Черный Скворец! Я прилетел к тебе вот по какому делу. Ты, конечно, знаешь, что у меня есть сын. Ему, правда, всего месяц, но он уже говорит и даже спорит со мной. Сегодня была такая холодная ночь, я прямо в гнезде не мог усидеть от холода. Вот я и сказал, что не помню ночи холоднее этой, а сын мой в ответ: была ночь и похолоднее. Как я мог поверить ему? Так вот скажи, помнишь ли ты ночь холоднее сегодняшней?

— Пожалуй, не помню, — ответил Черный Скворец, — хотя в этих местах живу давным-давно. Видишь проволоку, на которой я сижу? Когда я прилетел сюда, это была толстая проволока. А как ты знаешь, у меня есть привычка точить об эту проволоку каждые семь лет свой клюв. Мне осталось почистить клюв еще один раз, и проволока порвется: такой стала тонкой. И все же я не помню ночи холоднее этой.

Но может быть, Олень помнит. Он ведь старше меня. Лети к нему и спроси.

Орел поднялся и долго летел, прежде чем увидеть Оленя. Олень важно разгуливал на огромной поляне.

Орел подлетел к нему и сказал:

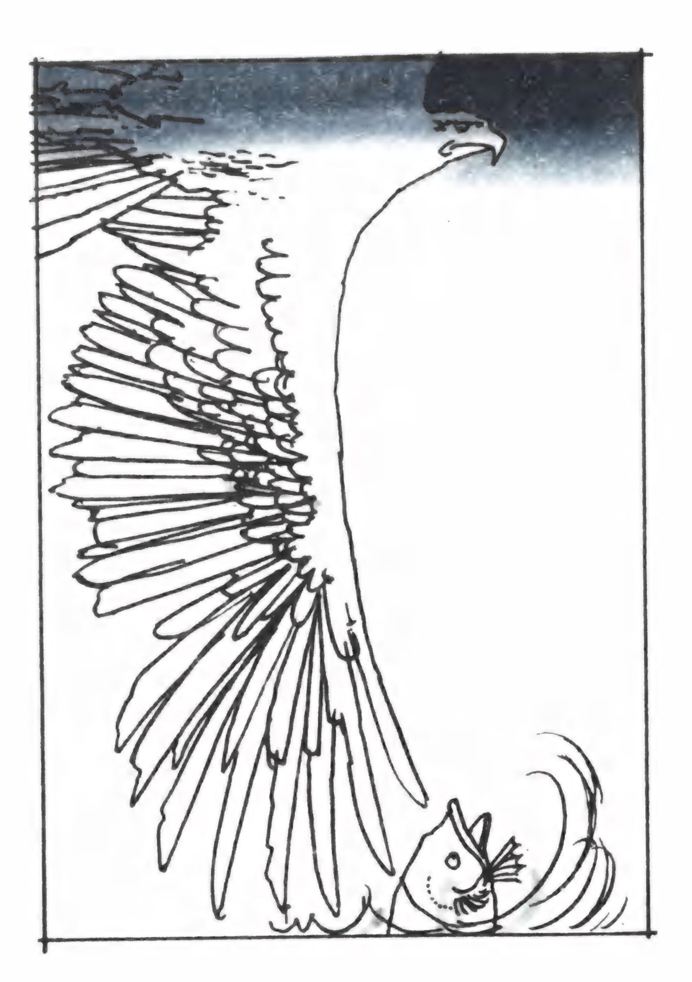
— Здравствуй, Олень! Я прилетел к тебе, чтобы спросить: была ли когда-нибудь ночь холоднее сегодняшней? Мой сын лишь месяц назад вылупился из яйца, но сегодня, когда я пожаловался на холод, он заявил мне, что была ночь и похолоднее. Я не поверил ему. Тогда он послал меня к Черному Скворцу, но тот тоже не помнит и отослал меня к тебе.

Задумался Олень. Долго думал, а потом говорит:

— Я живу возле этой поляны вот уже тысячу лет. Ты видишь длинный забор вокруг поляны? Так вот весь этот забор построен из моих рогов, они у меня меняются каждый год. Но за всю мою жизнь не было ночи холоднее этой. Может быть, помнит одноглазый Ассорийский лосось, он ведь старше меня, лети к нему, Орел, и спроси.

Молнией взвился Орел в небо и полетел к реке, где жил одноглазый Ассорийский лосось. Он летел долго-долго, пока не достиг той реки. Увидел Лосося и спустился к нему.

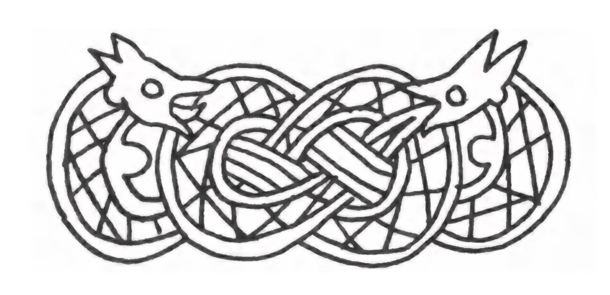
— Здравствуй, одноглазый Ассорийский лосось! — сказал Орел. — Я прилетел к тебе издалека, чтобы спросить: помнишь ли ты ночь, которая была холоднее сегодняшней? Вчера поздно вечером я вернулся домой, принес мяса моему сыну и хотел уснуть, но было так холодно, что я всю ночь не спал, а кувыркался в небе, словно какой-то несчастный жаворонок. Ну я не вытерпел и пожаловался сыну. И этот птенец,

которому, по правде говоря, еще нет и месяца, сказал, что была ночь и холоднее. А когда я не поверил ему, он сослался на Черного Скворца. Я тут же полетел к Черному Скворцу и спросил его, была ли ночь холоднее этой, но он ответил, что хоть и живет на свете давно, что хоть и точит он клюв о проволоку каждые семь лет, так что ему осталось поточить клюв еще раз и проволока порвется, — он не упомнит ночи холоднее. И он послал меня к Оленю, который живет на свете уже целую тысячу лет, так что из его рогов построили длинный забор вокруг поляны, где он пасется, и нужно еще только два рога, чтобы закончить забор, но и он, Олень, не помнит ночи холоднее сегодняшней. А что скажешь мне ты?

— Я скажу, — ответил одноглазый Ассорийский лосось, — что я помню такую ночь. Это было много лет тому назад. Еще с вечера мне было невыносимо холодно, а ночью я только и делал, что выпрыгивал из воды, чтобы согреться. А к утру был такой мороз, что, выпрыгнув, я упал обратно уже не в воду, а на лед. Я вмерз в этот лед, как лягушка, и не мог пошевельнуться. В это время над рекой летел старый Ачильский ворон. Увидев меня, вмерзшего в лед, он спустился и стал долбить лед своим желтым от старости клювом. Он долбил лед до тех пор, пока не добрался до меня и не выклевал мне глаз. Довольный и сытый, он улетел, но с тех пор меня и зовут одноглазым Ассорийским лососем...

Орел не дослушал его рассказ. Он стрелой устремился к своему гнезду. Он, наверное, думал, что старый Ачильский ворон его дожидается. Как же он заблуждался!

Вот и подошла к концу книга, которая, надеемся, хоть немного помогла вам узнать о своеобразном народном искусстве Ирландии. Конечно, лишь малая часть ирландского фольклора вошла в этот сборник, но, думается, что вам теперь легче будет понять, откуда черпает оптимизм ирландский народ, откуда черпали свое вдохновение такие знаменитые ирландцы, как Свифт, Шоу, Уйльд и многие другие, с именами которых вы знакомы или еще познакомитесь.

В Ирландии ценим
стих умный, звучную песню и мастерство брадобрея.
В Ирландии ценим
жаркую баню, пиво и тепло камина.
В Ирландии не ценим
ссору, воркотню и злую собаку.
В Ирландии не ценим
тьму ночи, густой туман и лес ночью.
В Ирландии не ценим
упрямца, не слушающего доброго совета, нищего, которого жалеют, и любовь, которую прячут.
В Ирландии не ценим
юность, издевающуюся над старостью, здоровье, хвастающееся перед болезнью, мудрость, насмехающуюся над глупостью.
В Ирландии ценим
звук струи молока в ведре, когда доят корову, стук молота о наковальню, шелест плуга на поле.
В Ирландии ценим
добрую шутку, трезвость в суждениях и хладнокровие.
В Ирландии ценим
свободу, мир и саму Ирландию.

Перевод И. Сергича

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ КРАСНОЙ ВЕТВИ

«ЛИЛЛИ БУРЛЕРО...»

ЭЙ, НА ЯРМАРКУ В ДОННЕЙБРУК!

А ЕСЛИ КАМЕНЬ ЗА ПАЗУХОЙ?

Дорогие ребята!

*Редакция с нетерпением ждет
вaших отзывов о содержании
и оформлении этой книги.
Укажите, пожалуйста,
свой точный адрес и возраст.*

*Пишите нам по адресу:
Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6.
Дом детской книги.*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Составил и пересказал
Сергич Илья Сергеевич

ПОЮЩИЙ ТРИЛИСТНИК

Ответственный редактор Н. Е. Прийма.
Художественный редактор В. П. Дроздов.
Технический редактор Т. С. Тихомирова.
Корректоры Н. Н. Жукова и Е. С. Петрова.

ИБ 6649

Сдано в набор 31.05.83. Подписано к печати 20.10.83. Формат 70×100 1/32. Бумага офсетная № 1. Шрифт обыкновенный новый. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,8. Усл. кр.-отт. 16,25. Уч.-изд. л. 6,22. Тираж 100 000 экз. М-21662. Заказ № 515. Цена 40 коп. Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 191187, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Поющий трилистник: Сборник /Пер.
П 64 с ирланд. И. Сергича, Г. Аршинникова; Рис. Е. Аносова. — Л.: Дет. лит., 1984. — 190 с., ил.

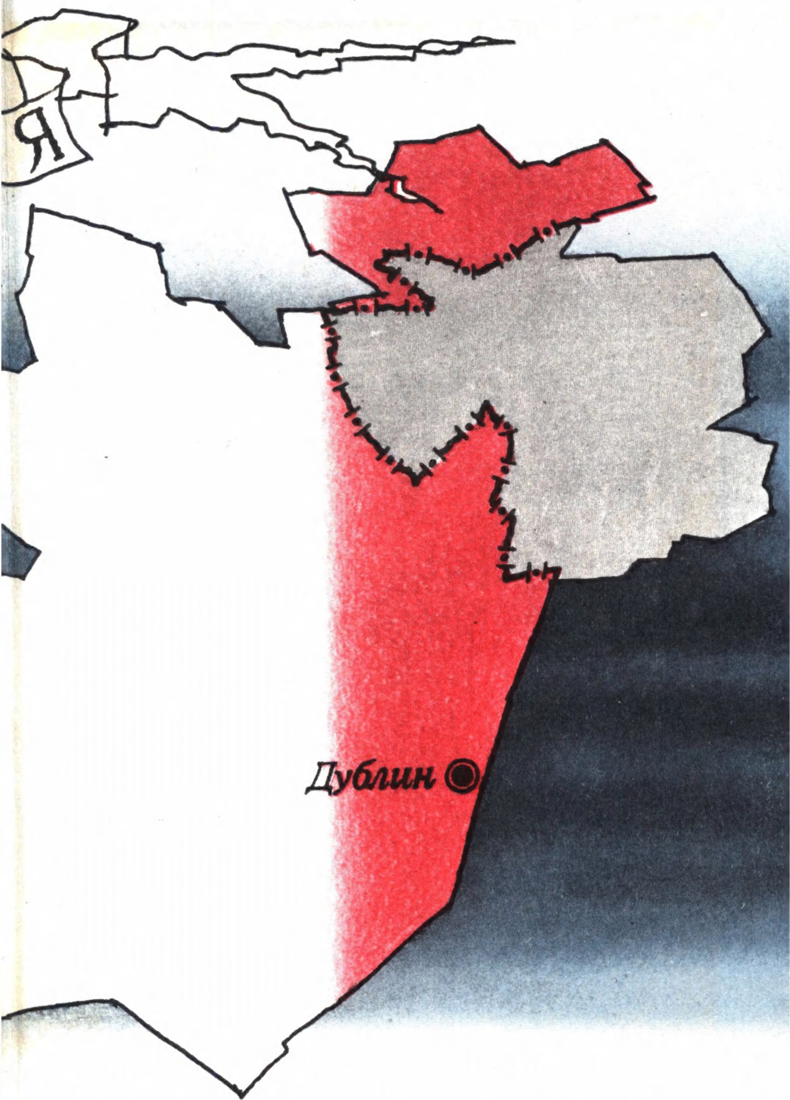
В пер.: 40 коп.

Сборник ирландского фольклора. Саги, баллады, сказки, легенды.

П $\frac{4803020000-108}{М101(03)-84}$ 138—84

ИФ(Ирланд.)

ИРЛАНДИ
eire

Дублин

40 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»